

Рохинтон Мистри

The BEST

Дела семейные

[роман]

XX век / XXI век – The Best

Рохинтон Мистри
Дела семейные

«Издательство АСТ»

2002

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

Мистри Р.

Дела семейные / Р. Мистри — «Издательство АСТ», 2002 — (XX век / XXI век – The Best)

ISBN 978-5-17-138888-1

Роман «Дела семейные» вошел в шорт-лист Букеровской премии за 2002 год! Всю свою жизнь профессор литературы из Бомбея Нариман Вакиль посвятил другим. Ученикам, в которых снова и снова вкладывал душу. Женщине, на которой женился поневоле, из чувства долга, в действительности любя другую. Родной дочери и детям жены от первого брака, между которыми никогда не делал разницы, а потом и внукам. Теперь профессор Вакиль стар, болен и нуждается в уходе. Однако необходимость объединиться вокруг него лишь распаляет костер разногласий, которые терзают младшие поколения семьи... Эта история трех поколений одной семьи из Бомбея поднимает самые важные проблемы, актуальные для человека любой национальной и религиозной принадлежности, – проблемы детей и родителей, религии и человечности.

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-17-138888-1

© Мистри Р., 2002

© Издательство АСТ, 2002

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	32
Глава 4	47
Глава 5	56
Глава 6	68
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Рохинтон Мистри

Дела семейные

© Rohinton Mistry, 2002

© Перевод. М. Салганик, наследники, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Глава 1

Луч предвечернего солнца брызнул в изножье кровати Наримана и разбудил его. Он проснулся, взглянул на часы. Скоро шесть. Посмотрел на ноги, пригретые солнцем. Искоренные и скрюченные пальцы, с возрастом ставшие похожими на птичью лапу, наслаждались теплом. Глаза опять закрылись.

Мало-помалу солнечный луч уходил в сторону, вызывая у Наримана смутное ощущение, что его бросают. Снова посмотрел на часы: уже седьмой. С трудом поднялся – пора собираться на вечернюю прогулку. Пока умывался и полоскал рот, за плеском воды слышались голоса падчерицы и пасынка.

– Папа, пожалуйста, не выходи на улицу, мы тебя умоляем, – сказал Джал за дверью ванной и сморщился от звука собственного голоса, потому что он отдался громовым раскатом в ушах.

Джал поспешно подстроил слуховой аппарат. Аппарат у него старой модели: металлическая коробочка, размером со спичечную, крепится к нагрудному карману, оттуда тянется проводок к наушнику. Джал без особой охоты приобрел аппарат четыре года назад, когда ему исполнилось сорок пять, но так и не привык к его капризам. «Чуть получше», – сказал он себе и продолжил вслух:

– Неужели тебе трудно выполнить нашу просьбу? Прошу тебя, оставайся дома. Ради твоего же блага.

– Почему мы должны кричать через дверь? – возмутилась Куми. – Открой ты ее, Джал!

Куми на два года моложе брата, тон ее бранчив, в противовес его увещательному. Она сухопара, как брат, но крепче его; она в мать, однако ей недостает округлостей для смягчения острых углов и линий. Когда она подрастала, родня невесело вздыхала, глядя на нее, и приговаривала: отцовская любовь, как солнца свет и свежая вода, без них не расцветает девичья краса, а отчим – совсем не то. Однажды по неосторожности кто-то сказал это при ней. Слова больно обожгли ее, она убежала к себе плакать по умершему отцу.

Джал подергал дверную ручку – заперто. Поскреб в густых курчавых волосах и осторожно постучался. Ответа не последовало.

В дело вступила Куми.

– Сколько можно повторять, папа! Не запирай дверь! Как мы тебя вытащим, если ты упадешь или сознание потеряешь? Живи по правилам!

Нариман смыл с рук мыльную пену и потянулся за полотенцем. Куми ошиблась в выборе профессии, думал он. Ей бы стать директрисой школы, требовать соблюдения правил от подневольных учениц, отравляя им жизнь. Вместо этого она его донимает правилами, регулирующими все стороны его скукожившейся жизни. Кроме запрета запираеть двери, он обязан объявлять о намерении посетить клозет. По утрам должен оставаться в постели, пока она не придет за ним. Ванна – не чаще двух раз в неделю, при этом Куми выступает в роли хореографа, руководя каждым его движением, а Джал выполняет обязанности помощника режиссера, страхуя безопасность отчима. Существует еще целый свод правил в отношении питания, одежды, зубных протезов, включения проигрывателя... И в минуты доброжелательства Нариман соглашается с тем, что неустанно твердят брат с сестрой: все ради его же блага.

Он утирает лицо под тархтение дверной ручки.

– Папа, ты в порядке? Я вызову слесаря снять все дверные замки – предупреждаю тебя!

Трясущиеся руки не сразу сумели повесить полотенце обратно на сушилку. Он открыл дверь.

– Хэлло, вы меня ждете?

– С ума можно сойти! У меня чуть сердце не выскочило – то ли ты сознание потерял, то ли еще что!

– Ничего, ничего, с папой все в порядке, – успокаивает сестру Джал. – Это самое главное.

Нариман с улыбкой вышел из ванной и подтянул брюки. С ремнем труднее, дрожащие пальцы не попадают стерженьком в пряжку. Засмотрелся на косой луч между кроватью и окном, залюбовался галактиками пляшущих пылинок, совершающих свои небесные движения по загадочным орбитам. Гул машин за окном, как всегда, усилился к вечеру. Отчего это уличный шум больше не раздражает его, подумал он...

– Что ты размечтался, папа, ты лучше нас послушай, – говорит Куми.

Нариману казалось, что в окно вливается благодатный запах земли, омытой дождем; он почти ощущал его на вкус. Выглянул в окно. Да, капает. Но это не дождь, а тоненькая струйка воды из соседского цветочного ящика.

– Даже с моими здоровыми ногами рискованно ходить по улице, – продолжил Джал ежевечернее выступление по поводу прогулок отчима. – А хулиганство на бомбейских улицах? Легче наткнуться на золотой самородок под ногами, чем встретить обыкновенную вежливость. Какое удовольствие ты находишь в этих прогулках? Ничего хорошего.

Носки. Нариман решил надеть носки и подошел к комоду. Роясь в неглубоком ящике, он ответил, не поднимая головы:

– Совершенно верно, Джал. Но есть много источников удовольствия. Канавы, рытвины, уличное движение не могут затмить жизненные радости.

Рука, трепещущая как птичье крыло, все шарилась в ящике. Но задача оказалась не по силам, и он сунул в туфли босые ноги.

– Туфли на босу ногу? – возмутилась Куми. – Выйдешь на улицу в таком виде, как дикарь из деревни? И посмотри, как у тебя руки дрожат, ты даже шнурки не можешь завязать.

– Верно, и ты могла бы помочь.

– С радостью, если бы ты по делу собирался: к доктору или в храм огня за маму помолиться. А глупостям я потакать не стану. Чтобы человек с болезнью Паркинсона проделывал то, что ты себе позволяешь!

– Я же не в Непал собираюсь по горам лазить. Хочу немного пройтись по переулку, вот и все.

Смягчаясь, Куми опускается на колени завязать ему шнурки, что она делает каждый вечер.

– Начало августа, – ворчит она, – муссон в разгаре, а тебе гулять приспичило.

Он подошел к окну и показал на небо:

– Дождь перестал, смотри.

– Ты просто упрямый ребенок, вот ты кто, – жаловалась Куми. – Наказать бы тебя, как ребенка. Оставить без обеда за непослушание, а?

«С твоей стряпней это не наказание, а подарок», – подумал он.

– Нет, ты слышал, Джал?! Чем он старше становится, тем бессовестнее!

Нариман понял, что произнес это вслух.

– Должен признаться, Джал, твоя сестра меня пугает. Она читает мои мысли.

Но слуховой аппарат опять подвел его пасынка, усилив громкий голос Куми, который перекрыл отчимово бормотание, и Джал услышал лишь неясный гул. Подстроив аппарат, Джал вернулся к тому последнему, что дошло до его слуха.

– Я согласен, папа, есть множество источников удовольствия. Наш разум содержит в себе столько миров, что радости от них хватит на целую вечность. Плюс у тебя есть книги, есть проигрыватель, радио есть. Зачем вообще выходить из квартиры? Тут как в раю. Этому дому не случайно дали название «Шато фелисити» – здесь и вправду можно блаженствовать. Я бы с радостью отгородился от этого ада за стенами и всю жизнь провел бы дома.

– Не смог бы, – возразил Нариман. – Ад обладает способностью проникать даже через небесные мембраны. «О небеса, я в небесах», – тихонько замурлыкал Нариман, но смолк, чувствуя нарастающее раздражение Куми. – Достаточно вспомнить, что творилось после разгрома мечети Бабри¹.

– Ты прав, – поежился Джал, – временами ад всюду проникает.

Чуть не десяток лет прошел с тех пор, как индусские фанатики, распаленные соответствующей пропагандой, разгромили эту мечеть, еще в шестнадцатом веке построенную на руинах индусского храма. Эхо события раскатилось по всей Индии кровавыми индусско-мусульманскими стычками, а в Бомбее вылилось в страшные погромы мусульманских кварталов...

– Чего ты соглашаешься с его глупым примером? – возмутилась Куми. – Погромы были на улицах, а не в домах!

– Я думаю, папа имеет в виду эту семью парсов, двух стариков, мужа и жену, которые погибли у себя же в спальне.

– Ты ведь тоже помнишь эту историю, Куми, – вздохнул Нариман, – когда озверелые толпы подожгли дом, потому что кто-то сказал, что там мусульмане прячутся?

– Я все помню, у меня память получше твоей! Несчастливым не повезло, стали жертвой недоразумения! Часто бывает, чтобы из-за мечети в Айодхье здесь, в Бомбее, начал зверствовать народ? Редчайший случай!

– Справедливо, – согласился Нариман. – Счет в нашу пользу.

– А взять прошлую неделю? В Фироз-Баге избили и ограбили старуху в ее собственной квартире, – не к месту припомнил Джал. – Бедняжка лежит в «Парси дженерал», и неизвестно, выживет ли.

– Ты на чьей стороне? – взорвалась Куми. – Хочешь доказать, что папа может спокойно гулять по вечерам? Что мир не превратился в опасное место?

– Конечно, превратился, – ответил за пасынка Нариман. – В особенности внутри дома.

Куми, стиснув кулаки, выскочила из комнаты. Он подышал на очки и медленно протер стекла носовым платком. Его меркнувшее зрение, неудобные зубные протезы, трясущиеся конечности, согбенная спина и шаркающая походка были почти готовы к совершению вечернего ритуала.

Нариман Вакиль вышел из «Шато фелисити» с зонтиком, который служил ему тростью. После затхлой пустоты квартиры бурление жизни было как воздух для изголодавшихся легких.

Он шел к переулку, где на углу торговали овощами. Корзины и ящики, полные зелени, бобов, фруктов и корнеплодов, преображали угол в сад. Французские бобы, сладкий картофель, цветная капуста, кориандр, зеленые перчики, помидоры цвели под уличными фонарями, вознося сумеркам свои краски и благоухание. Он останавливался, склоняясь, чтобы коснуться их. Пальцы так и тянуло к чувственным луковицам и лоснящимся помидорам; фиолетовые баклажаны и сладострастная морковь были неотразимы. Зеленщики-сабзивалы знали, что он не покупатель, но это их не смущало, а ему нравилось думать, что они понимают, зачем он приходит. На подмостках у цветочного ларька двое мужчин сидели, поджав ноги, как музыканты, их пальцы выбирали, подбирали, складывали и связывали, сплетая в гирлянды, ноготки, жасмин, лилии и розы, играя цветочную мелодию. Нариман представлял себе дальнейший путь их произведений, которые будут упрашивать богов в храме, чтить фотографии чьих-то предков, украшать волосы жен, матерей и дочерей.

¹ Подробнее об этом, а также о других упомянутых в романе политических событиях и историко-культурных фактах см. в статье «Что говорил Заратустра?» в конце книги.

Прилавок с бхел-пури² выглядел рельефным пейзажем с золотистыми пирамидами сева, снежными горками мумры, холмиками лепешек-пури, а в долинах между ними поблескивали озера зеленых, коричневых и красных соусов-чатни в алюминиевых мисках.

Продавец бананов разгуливал со своим товаром. Он шагал, вытянув руку, по плечу увешанную тяжелыми кистями бананов, – цирковой номер жонглера и силача.

Для Наримана все это было цирковой магией, упоительным магическим действием.

...В канун семьдесят девятого дня рождения он вернулся домой, хромая, со ссадинами на локте и предплечье. Упал, переходя через дорогу напротив «Шато фелисити».

Дверь открыла Куми.

– Боже мой, – взвизгнула она, – Джал, беги сюда, папа весь в крови!

– Где кровь? – изумился Нариман.

Кровь поцарапанной руки немного запачкала рубашку.

– Это? Это называется «весь в крови»? – Нариману стало смешно.

– Как ты можешь смеяться, папа? – упрекнул его Джал. – Мы с ума сходим из-за твоих травм!

– Не преувеличивай. На что-то наступил и слегка подвернул ногу, вот и все.

Куми смочила ватку «Деттолом» и принялась обрабатывать ссадины. Рука Наримана дернулась от жгучего прикосновения антисептика. Куми вздрогнула, как от боли.

– Прости, папа. – Она подула на руку. – Так лучше?

Он кивнул. Ловкие пальцы Куми обтирали ссадины, осторожно заклеивали их пластырем.

– Бога надо благодарить, что все обошлось, – говорила она, убирая аптечку, – ты же понимаешь, чем это могло кончиться. А если бы ты упал прямо на улице, на проезжей части?

– Ох! – Джал закрыл лицо руками. – Даже подумать страшно.

– Одно ясно, – продолжала Куми, – больше ты на улицу не пойдешь.

– Согласен, – подхватил Джал.

– Не будьте идиотами, вы двое.

– А как насчет тебя, папа? – взвилась Куми. – Завтра тебе исполняется семьдесят девять лет, а ты ведешь себя совершенно безответственно. Не думаешь о Джале и обо мне, не ценишь, что мы для тебя делаем.

Нариман сидел, стараясь сохранять гордое спокойствие. Но руки его так и плясали, сколько он ни пытался удержать их на коленях. И ноги дергались все сильнее, заставляя подпрыгивать колени. И еще он никак не мог вспомнить, принял ли лекарства после обеда.

– Выслушайте меня, – сказал он, устав ожидать, пока успокоятся конечности. – В молодости меня контролировали родители и погубили те годы. По их милости я женился на вашей матери и погубил свою зрелость. Теперь вы хотите истерзать мою старость. Я этого не допущу.

– Ложь! – вспыхнула Куми. – Это ты погубил мамину жизнь и нашу с Джалом тоже! Я не потерплю ни одного дурного слова о маме!

– Ты только не расстраивайся, – пытался утихомирить сестру Джал, яростно поглаживая ручку кресла. – Я уверен, что сегодняшний случай послужит папе предостережением.

– И он поймет? – Куми злобно смотрела на отца. – Или опять выйдет на улицу и переломает себе кости, на мою голову?

– Нет, нет, он будет хорошо вести себя. Будет сидеть дома, читать, отдыхать, слушать музыку и...

– Я хочу это от него услышать!

Нариман сохранял спокойствие, занятый полезным делом: он уже расстегнул пояс и перешел к развязыванию шнурков.

² Бхел-пури – хрустящая индийская закуска, готовится из риса и овощей.

– Если ты не желаешь слушаться нас, можешь спросить, что твоя дочь об этом думает, когда она завтра придет, – предложила Куми. – Твоя плоть и кровь, не то что мы с Джалом, второй сорт.

– Вот это ты совершенно напрасно.

– Слушай, – вздохнул Джал, – Роксана с семьей придет на папин день рождения. Давайте не будем завтра ссориться.

– При чем тут ссора? – возразила Куми. – Просто обсудим все серьезно, как взрослые люди.

Джал и Куми безоглядно полюбили Роксану с момента ее появления на свет, хоть и приходилась она им не родной, а сводной сестрой. Джалу тогда было четырнадцать, Куми – двенадцать, поэтому у них не возникло ощущения, что с рождением малышки они оказались на втором плане, они не терзались ревностью, завистью или даже ненавистью – теми сложными чувствами, которые новорожденные нередко вызывают у братьев и сестер, близких к ним по возрасту.

Или, может быть, Джал и Куми обрадовались появлению Роксаны, потому что она заполнила пустоту, оставленную смертью отца, умершего четырьмя годами раньше? Дети редко видели отца здоровым. В короткие промежутки, когда он не был прикован к постели из-за больных легких, он был так слаб, что нуждался в постоянном уходе и помощи. Хронический плеврит оказался предвестием более серьезной легочной болезни, страшная аббревиатура которой никогда не произносилась ни в семье, ни среди друзей. Вода в легких – так говорили о недуге Палонджи.

Сам Палонджи, чтобы облегчить близким бремя тревоги, превратил в шутку это кодовое название своей болезни. Когда Джал, который рос большим шалуном, выкидывал очередной фортель, то причиной считалась вода в его голове. «Уши затыкай, когда моешь голову», – поддразнивал его отец. Неумелые руки свидетельствовали о воде в пальцах. А когда маленькая Куми плакала, отец говорил: «Моя прелестная дочурка не плачет, у нее просто вода в глазах». И Куми улыбалась.

Отвага Палонджи Контрактора и его решимость не допускать уныния в семье были героическими, но конец, когда он наступил, надломил Джала и Куми. Три года спустя мать вторично вышла замуж. Дети холодно приняли чужака и никак не могли преодолеть неловкость в общении с ним. Они упрямо звали Наримана Вакиля «новым папой».

Нариман болезненно реагировал на это обращение – всякий раз, когда дети называли его так, они будто камушек ему в лицо бросали.

Поначалу он пытался отшутиться:

– И все – просто «новый папа»? А почему не более длинный титул? Как насчет «новенького улучшенного папы»?

Однако выбор прилагательных оказался неудачным: Джал ледяным тоном заметил, что никто не может быть лучше их настоящего папы. Матери потребовалось немало времени, чтобы убедить детей, что ей было бы приятнее, если бы они отказались от этого «нового». Джал и Куми согласились; они быстро выросли, слишком быстро. Дети сообщили матери, что готовы называть отчима, как она пожелает. «Он же все равно не станет им папой, как его ни зови», – сказали дети.

А Нариман задумался над тем, во что он ввязался, женившись на Ясмин Контрактор. Они не по любви соединили свои жизни – это был брак по сватовству. Ясмин пошла на этот шаг ради уверенности в будущем, ради сына и дочери.

А он, оглядываясь назад, на бесплодную пустошь их жизней, в отчаянии спрашивал себя, как он мог быть таким безвольным недоумком, чтобы дать этому свершиться.

Но через год после женитьбы в их жизнь вошло маленькое чудо. Родилась Роксана. Безмерность любви и нежности, излившаяся на ребенка, не могла не согреть их всех. Любовь к маленькой Роксане вызволила их из трясины враждебности, на некоторое время отвела беду.

* * *

Время близилось к шести, пора одеваться к праздничному обеду. Нариман так ждал этого вечера и прихода Роксаны с семьей. Одеваясь, он погружался в ту счастливую пору жизни, когда у него родилась дочь.

Опять полил дождь, которого не было почти целый день. Новая сорочка, подарок Джала и Куми, дожидалась на комод. Он вынул ее из целлофановой упаковки и поморщился от прикосновения перекрахмаленной ткани. Воротник, без сомнения, весь вечер будет натирать шею. Чего только не приходится терпеть в день рождения! В комод лежат прекрасные рубашки, такие мягкие и удобные – они переживут его.

Пока он возился с тугими новыми петлями и пуговицами, где-то в доме застучал молоток, перекрывая барабанную дробь дождя. Дела нет никому до проблем старых и немощных – иначе не стали бы упаковывать рубашки в непроницаемые пластиковые оболочки, втыкая острые булавки в самые неподходящие места, плотно загоняя картонные вставки под воротник.

Он улыбнулся, думая про Роксану, ее мужа и двух сыновей. Мог ли он представить, любуясь крохотной девчушкой, что придет время, когда у нее будут собственные дети. Неужели это изумляет всех отцов?

А что было бы, останься она подольше малышкой? Может быть, подольше продлился бы и тот единственный период семейной жизни, когда он был действительно счастлив. Нам требуется невозможное, чтобы не быть несчастными. Но мир не так устроен. Семейное счастье оказалось коротким. Слишком коротким.

Вспомнил, как Джал взял малышку на руки и как обрадовался, когда она ухватила его за палец.

– Какая у нее сила, папа!

Куми сразу потребовала сестричку себе на руки.

– Смотри, она пузырьки пускает, – восторженно вопила Куми, – совсем как из моей трубочки!

Куми только что купили на ярмарке набор с трубочкой для выдувания пузырей.

Но даже восторженной любви Джала и Куми пришел конец, когда Роксана вышла замуж и переехала жить в квартиру, которую он устроил за умопомрачительную взятку. Вот тогда ему впервые была брошена в лицо фраза о «плоти и крови», обвинение в пристрастности.

Если бы сохранилась хоть детская близость, еще не отравленная «плотью-кровью», – ибо в ту пору это не имело никакого смысла для троих детей, – если бы сохранилась хоть она как утешение, как нечто спасенное при крушении семьи! Но ему отказано и в этом. Естественно. Только к мерзкому концу могло привести такое мерзкое начало.

А что было началом? Тот день, когда он встретил дорогую свою Люси, женщину, на которой и должен был жениться? Но то был отнюдь не мерзкий день, а прекраснейшее из утр. Или позднее, когда он бросил Люси? Или когда согласился жениться на Ясмин? Или воскресный вечер, когда его родители и их друзья впервые изложили ему свой план, от которого он должен бы прийти в бешенство, взорваться, затопать ногами, сказать им, чтобы своими делами занимались, послать их к чертовой матери?

Тридцать шесть лет прошло. А он все помнит тот воскресный вечер, еженедельный сбор родительского круга. Вот в этой самой гостиной, все с той же мебелью, той же краской на стенах и с эхом голосов того воскресного вечера. Большое было ликование, когда родители объявили, что их единственный сын, долгие годы отказывавшийся порвать связь с этой гоанкой,

ни в какую не соглашавшийся познакомиться с приличной девушкой из парсов, слышать не желавший о достойном браке, что их бесценный Нариман внял наконец голосу разума и дал согласие жениться. Он сидел в одиночестве на балконе, где было слышно каждое их слово. Как всегда, первым откликнулся Соли Бамбот, старейший друг родителей, адвокат, понемногу отходивший от дел, но все еще весьма влиятельный.

– Нари – троекратное ура! – возгласил он.

– Гип-гип-гип ура! – подхватили остальные.

По воскресеньям у них регулярно собиралось десять человек, считая и родителей.

– Нет, только девять, – поправился он, – потому что жена мистера Бурди, Ширин, год назад скоропостижно умерла.

По окончании траура мистер Бурди возвратился на воскресные сборища, где, по оценке Наримана, с незаурядным прилежанием исполнял роль вдовца. Отведав вкусную пакуру или какой-то особый чатни, он обязательно вздыхал:

– С каким удовольствием ела бы это моя Ширин...

Посмеявшись забавному анекдоту, неизменно замечал:

– У моей Ширин было классное чувство юмора – она всегда первая смеялась удачной шутке!

Однако вдовство не вполне отвечало его характеру, и через несколько месяцев он перешел к амплуа жизнелюбивого холостяка. Компания согласилась со сменой роли и неявно поддержала мистера Бурди, перестав упоминать имя Ширин во время воскресных встреч. «К вопросу о любви, верности и памяти», – думал Нариман. Провозгласив по призыву Соли троекратное ура, компания перешла к индивидуальным поздравлениям родителей Наримана.

– Поздравляю, Марзи, – обратился мистер Котвал к отцу. – Одиннадцать лет ты боролся – и победил.

– Лучше поздно, чем никогда, – вступил и мистер Бурди. – Но удача любит удачливых. Помни – плоды терпения сладки, и все хорошо, что хорошо кончается.

– Достаточно, мистер Пословица, оставь и нам немножко.

Слушая с балкона этот комментарий, Нариман передвинул стул, чтобы наблюдать за комментаторами, оставаясь невидимым. Теперь выступала миссис Унвала, которая всегда верила, что в конечном счете мальчик сделает правильный выбор; ее муж Дара энергично кивал, поддерживая жену. Супруги всегда выступали командой, мужа в компании звали Безмолвный Партнер. Соли вышел на балкон, и Нариман немедленно уткнулся в книгу.

– Нари! Ты что сидишь тут в одиночестве? Присоединяйся к нам, глупенький!

– Попозже, дядя Соли. Хочу дочитать главу.

– Нет-нет, Нари, ты нужен нам сейчас, – настаивал Соли, отнимая книгу. – Куда спешить, слова не исчезнут со страницы.

Он потянул Наримана за руку в гостиную. Они хлопали его по плечам, жали руку, обнимали, а он ежился, сожалея, что остался дома. С другой стороны, ему неминуемо пришлось бы вынести все это. Он услышал, как тетя Наргеш, жена дяди Соли, спрашивает у его матери:

– Скажи мне, Джеру, он это искренне? Он действительно расстался с этой Люси Браганца?

– О да, – ответила мать. – Он дал нам слово.

Теперь миссис Котвал кинулась к нему через всю гостиную и, ущипнув за щеку, прощепетала:

– Когда непослушный мальчик становится наконец хорошим мальчиком, это двойная радость!

Ему хотелось напомнить миссис Котвал, что мальчику уже сорок два. Потом его поманила к себе тетя Наргеш. Она всегда говорила тише всех, и шум в гостиной заглушал ее голос.

Она похлопала по дивану, приглашая его сесть рядом, взяла его за руку – ее собственная рука носила следы ожога, в молодости полученного на кухне, – и прошептала:

– Нет большего счастья, чем исполнить родительскую волю. Ты помни об этом, Нари.

Ее голос доносился до него будто издалека, и не было у него ни воли, ни сил, чтобы спорить. Он вспоминал, как на прошлой неделе они с Люси сидели на Брич-Кенди и смотрели на отлив. Мальчишки тащили сетку по мелководью между камней в поисках добычи, забытой безразличными волнами. Мальчишки шлепали по воде и орали, а он думал о том, как они с Люси одиннадцать лет бились, пытаясь создать себе отдельный мир. «Кокон, – говорила Люси. – Нам нужен кокон, в котором можно укрыться, а когда обе семьи забудут про наше существование, мы выйдем на свет как две сверкающие бабочки и вместе улетим...» Воспоминание на миг ослабило его решимость – правильно ли он поступает? Да. Правильно. Они были загнаны в угол своими семьями. Измучены постоянной нервозностью. Он напомнил себе, как безнадежно их положение. Дошло до того, что чуть не каждый вечер у них с Люси вспыхивали ссоры, для которых всякий раз находился повод. Какой смысл быть дальше вместе, позволять, чтобы любовь гибла в бесполезных перебранках? Дети возбужденно визжали, обнаружив в неводе улов, а Люси в последний раз пыталась убедить его: надо все послать к черту, вырваться из удушливого мира семейной тирании, бежать от чувства вины, от шантажа, на котором специализируются родители. Могут же они начать совместную жизнь, только они двое – и больше никого. Из всех сил стараясь сохранить решимость, он ответил, что это уже сто раз обсуждалось, что семьи все равно затравят их, найдут способ. Единственный выход – побыстрее все кончить. «Хорошо, – сказала она, – больше нет смысла разговаривать». И ушла. Он остался сидеть у моря. А теперь, когда родители и их друзья, попивая скотч с содовой, обсуждают его будущее, ему кажется, будто он подслушивает разговоры посторонних. Они увлеченно играли в «конференцию круглого стола» – так они это называли, – планируя его женатую жизнь с таким смаком, как обсуждали бы партию в вист или дружескую попойку.

– Есть одна проблема, – говорил мистер Бурди. – Мы, конечно, заперли конюшню и не дали вырваться коню, но теперь нужно искать кобылку.

– О чем он? – не поняла тетя Наргеш.

– Мистер Пословица считает, что жених готов, но надо найти ему невесту.

– А вы не думаете, – робко спросила она, – что брак по любви был бы лучше сватовства?

– Безусловно, – ответил его отец. – Думаешь, мы против? Но дело в том, что наш Нари, похоже, не влюбляется в девушек-парси. Значит, мы сами должны подобрать ему подходящую невесту.

– И будет это непросто, помяните мое слово, – вмешался мистер Котвал. – Можете искать не в одном Бомбее. Можете искать невесту от Калькутты до Карачи. Но как только семья невесты начнет наводить справки, сразу выяснится, что у Нари была связь с феранги, с иноверкой.

– Этого не скрыть, – согласилась миссис Унвала, – так что придется идти на компромисс.

– Не сомневаюсь, что Нари найдет прелестную жену. – Мать проявляла лояльность к сыну. – Лучшую из лучших.

– А я думаю, что про лучших лучше забыть, – возразил мистер Бурди. – Что посеешь, то и пожнешь. Нельзя пахать стерню сегодня, а завтра ожидать урожай.

Посмеялись. Шутки становились все вольнее. Соли высказался насчет феранги, которые подтирают задницы бумагой, не понимая, что вода гигиеничнее. Отрешенность, с которой Нариман слушал все это, испарилась.

– Как мне всех вас жалко, – сказал он, не скрывая отвращения. – Вы дожили до старости, не нажив мудрости.

Он резко отодвинул стул, царапнув им о пол, и вернулся на балкон. Взялся за книгу, глядя на страницу невидящими глазами. С моря дул легкий бриз. Из гостиной доносились голоса

родителей, они извинялись за выходку сына: бедный мальчик не в себе, он же совсем недавно порвал с этой... Он пришел в ярость от того, с какой уверенностью они судят о его чувствах.

– Прекрасный принц не оценил нашего юмора, – говорил мистер Бурди, – но зачем же оскорблять нас?

– По-моему, это он из какой-то книги, – предположил мистер Котвал.

– Большая моя ошибка, – сказал отец. – Книги. Слишком много книг. Нари набрался современных идей. А находить равновесие между традицией и современностью так и не научился.

– Со временем все придет в норму, – успокоил его Соли. – Не волнуйся и не спеши – шаг за шагом.

– Вот именно, – подхватил мистер Бурди, – поспешишь – людей насмешишь. Тише едешь, дальше будешь.

Но вопреки собственным советам друзья семьи быстро нашли ему пару.

– Тебя познакомят с Ясмин Контрактор, она вдова, двое детей, – сообщили Нариману. – И это лучшее, на что ты можешь рассчитывать, мистер, с твоим-то прошлым.

Или вдова, объяснили они, или женщина с дефектом. Выбор за ним.

– Что значит с дефектом? – полюбопытствовал он.

– Ну, скажем, косоглазая, или глухая, или одна нога короче другой, а может быть, просто болезненная – слабые легкие или проблемы в департаменте деторождения, – шутливо отвечали они. – Мало ли кто попадется. Если он предпочитает такую, они наведут справки и составят список. – Никто не спорит, ты жених видный и образованный. Твой недостаток – твое прошлое, потерянные годы, из-за которых ты перешагнул за сорок. Но ты не волнуйся, мы все учли – ее характер, положение ее семьи, как она готовит и дом ведет. Мы считаем, что вдова будет хорошей женой.

Как инвалид, на каждом шагу опекаемый врачами и сестрами милосердия, он безвольно прошел весь процесс, подавляя сомнения и дурные предчувствия, внушая себе, что традиционный путь – лучше всего. Он стал мужем Ясмин Контрактор и официально усыновил ее детей – Джала и Куми. Но за ними сохранялась фамилия отца. «Менять детям фамилию, – сказала его новая жена, – все равно что историю переписывать». Сравнение импонировало его академической душе, и он согласился.

«И это, пожалуй, была моя первая ошибка», – думал Нариман, продолжая бороться с пуговицами на подаренной ко дню рождения рубашке. Как реагировали Джал и Куми в детстве на фамилию, которую не носили остальные члены семьи? Обижались? Чувствовали себя ободенными? Надо было подумать, как они это воспримут, прежде чем соглашаться с Ясмин. Он был обязан постараться заменить детям умершего отца, дать им нормальное детство, которого у них никогда не было, водить их на экскурсии, устраивать пикники, игры, стараться подружиться с ними – и, возможно, все обернулось бы по-другому. Но тогда он не владел искусством видеть мир детскими глазами, по-детски воспринимать его. Теперь это куда легче.

Так и не совладав с пуговицами, он отложил рубашку и направился в клозет. В животе угрожающе урчало. Бредя по длинному коридору в конец квартиры, пытался припомнить, что съел.

Каждый шаг требовал напряженной сосредоточенности, дрожащая рука искала опору у стены, по всей длине увешанной большими портретами. Его предки – строгие лица и жесткие линии губ – хмурились в потемневших рамах, сверху вниз наблюдая за его частыми проходами в клозет. Он нередко тревожился, поспеет ли вовремя. Но эта несчастливая квартира хотя бы оправдывала мрачность семейных портретов. Ему чудилось, что лица на фамильных изображениях делались все угрюмей с каждым днем.

Он запер дверь на задвижку и сел с благодарностью за то, что в единственном выжившем клозете есть стульчак. В двух других приходилось присаживаться на корточки, чего бы он никак не сумел.

С другого конца коридора, от его комнаты, донесся голос Куми, которая просила папу поторопиться, поскольку Роксана с семьей должны вот-вот подойти. Потом он услышал в коридоре ее шаги, приближающиеся к клозету. Она подергала ручку.

– Кто там?

– Я.

– Можно бы по вони догадаться.

Вернувшись к себе, он застал ее в комнате. Где-то в доме продолжал стучать молоток.

– Ты нарушил правило, папа. Пошел в клозет без предупреждения.

– Извини. Забыл.

– Мне нужно по-маленькому, я бы сбегала первая. А теперь придется нюхать твой запах. – Она помолчала. – Хорошо, одевайся. Они придут с минуты на минуту, и я окажусь виноватой, что ты еще не готов.

Он протянул ей новую рубашку. Рука дрожала так, что рубашка развевалась как флаг.

– Пуговицы не застегиваются.

Рубашка была с длинными рукавами, Куми помогла ему надеть ее. Он спросил, откуда этот непрерывный стук.

– Это Эдуль Мунши внизу. Откуда еще. У нас в доме только один маньяк «умелые руки».

Куми застегнула манжеты и взялась за пуговицы на груди, когда в дверь позвонили. Нариман просиял: наконец-то! Роксана, Йезад, Мурад и Джехангир – все пришли! Нетерпеливые пальцы схватились за пуговицы.

Куми оттолкнула его руку, поспешно застегнула рубашку на груди, не стала возиться с оставшимися пуговицами, торопясь закончить последние приготовления на кухне.

– Семейство Ченой всегда является минута в минуту, – ворчала она, – даже в проливной дождь!

Глава 2

Джал пропустил гостей в квартиру и побежал с зонтиками и плащами в ванную, чтобы с них не натекло перед дверью. Возвратился с тряпкой, подтер пол в коридоре. Гости старательно вытерли ноги о коврик, и Джал повел их в гостиную.

– В самый ливень попали!

– Ну да! А эти два безобразника выскочили из дому с непокрытыми головами, – пожаловалась Роксана. – Ты только посмотри на их волосы, просто вода течет. Ты не дашь мне полотенце, Джал?

– Конечно!

Рассаживая гостей по истертым диванам и креслам, он без нужды переставил парочку кофейных столиков, схватился за диванные подушки, которые тут же водворил на прежние места, включил настольную лампу и встревоженно осведомился, не бьет ли свет в глаза.

– Ничуть, – заверил его Йезад.

Обычная хлопотливость Джала маскировала его радость от встречи. Он поспешно извинился, объявив, что должен помочь Куми на кухне.

– Полотенце, Джал, – напомнила Роксана. – Пока эти шайтанята не простудились.

– Ох, извини!

Понесся за полотенцами, через минуту вернулся, продолжая извиняться за промедление.

Роксана набросила полотенце на голову Джехангира и так энергично терла, что у того плечи ходили. Он решил усилить эффект и задергал руками и бедрами в дикой пляске.

– Стой спокойно, клоун, – одернула его мать.

Она взъерошила сыну волосы, проверяя, сухие ли.

– Так. Твоя очередь, Мурад.

– Я сам, – воспротивился Мурад, отстаивая суверенитет, обретенный вместе с недавним тринадцатилетием.

Мать передала ему полотенце, достала из сумочки гребень. Джехангир терпеливо ждал, пока Роксана причесывала его и делала пробор слева.

– Теперь ты хоть на бандита не похож.

Мурад взял у матери гребень и подошел к застекленной горке у противоположной стены. Смотрясь в стекло, он тщательно причесал волосы на собственный лад, без пробора.

Роксана спрятала гребень и предупредила сыновей, чтобы они хорошо вели себя, не надоедали тете и дяде. Йезад добавил и свое предостережение, пробормотав при этом, что никому не известно, как им не надоедать, самый верный способ: ничего не говорить и ничего не делать.

– Изображайте статуи, – посоветовал он.

Мурад и Джехангир рассмеялись.

– Я серьезно. Лучшая статуя получит приз.

– А какой приз?

– А сюрприз!

Оба немедленно застыли, стараясь не моргать и следя, кто первый не выдержит. Однако вскоре статуя-Мурад ожила и стала разгуливать по гостиной. Сначала Мурад выглянул в окно из-за гардин, потом решил раздвинуть их. Но потянул за обе сразу – и гардины обрушились вместе с карнизом.

– Ну, видишь, что ты натворил? Сейчас же сядь на место, – прикрикнула мать, изображая суровость, которая ей никогда не удавалась. – Ты старше Джехангира и должен подавать ему хороший пример!

Мурад подобрал с пола карниз и начал нанизывать на него гардинные кольца. Надев одну гардину, он обнаружил, что вторая соскользнула с другого конца карниза.

– Слышал, что мама сказала? – вмешался Йезад. – Брось!

– Я хочу сделать, как раньше было, чтобы тетя не сердилась.

Йезад приподнялся на диване, будто собираясь встать на ноги.

– Я кому сказал сесть!

Заметив вспышку гнева в отцовских глазах, Джехангир напрягся, надеясь, что брат не ослушается приказа. Вспыльчивость отца братьям была хорошо известна. Мурад надул губы и плюхнулся на стул. Отец мгновенно сменил гнев на милость.

– Будем надеяться, тетя не убьет нас.

Роксана не сомневалась, что Куми сразу прибежит на шум. Но та не показалась – вместо нее в дверях появился Нариман, в новенькой рубашке, неровно заправленной в брюки.

– С днем рождения, дедушка! – хором закричали мальчики.

Опережая брата, Джехангир соскочил с дивана и ринулся к Нариману, который медленно шаркал к своему креслу.

– Стой! – перехватила его Роксана. – Ты так дедушку с ног собьешь, дай ему сесть.

Роксане показалось, что отец сильнее волочит ноги, чем при их прошлой встрече, и, конечно, он совсем ссутулился. Доктор предупреждал, что симптомы паркинсонизма будут усиливаться по мере прогрессирования болезни. Что за слова они употребляют, подумала тогда Роксана, прогрессировать! Прогресс...

Опускаясь в кресло, Нариман не удержал равновесие и тяжело рухнул на сиденье. И улыбнулся, видя тревогу на их лицах.

Джехангир обнимал и целовал деда, легонько тиская его подбородок, будто резиновый на ощупь, как юуба, весь в редких щетинках, твердых как сахарные крупинки. Дед смеялся и наклонял голову для следующей части ритуала – поглаживания по лысине.

Ритуал возник несколько лет назад, когда дед брал мальчиков за подбородки, а они отвечали ему тем же. Завороженные дедовой щетиной, они ощупывали все его лицо, приходя в полный восторг от гладкости и твердости блестящей лысины, которая так замечательно контрастировала с рыхлым подбородком.

Мурад, чувствуя, что ему уже не по возрасту детские игры со щетинистым дедовым подбородком, протянул деду руку. Нариман пожал ему руку и притянул к себе, чтобы обнять.

– Дедушка, покажи зубы! – попросил Джехангир.

Нариман вытолкнул языком вставную челюсть на губу и сразу вернул ее на место.

– Еще!

– Не тормози дедушку, – сказал Йезад. – С этим безобразником никакого сладу нет! Поздравляю, чиф, и желаю многих лет.

Он сердечно пожал Нариману руку и потрепал его по плечу.

Наконец пришел черед Роксаны. Она обняла отца, сказала, что он прекрасно выглядит, ее это так радует!

– Господь благослови тебя, папа, и дай нам Бог много, много лет праздновать твой день рождения!

– Как минимум до сотого, – сказал Йезад.

– Да, дедушка, – поддержал Мурад. – Ты должен выбить сотню. Как Сачин Тендулкар в матче против Австралии.

– Подумаешь, – фыркнул Джехангир, – остается всего двадцать один день рождения!

– С арифметикой у тебя все в порядке, – усмехнулся Нариман, – но у меня и так было слишком много дней рождения.

– Не говори так, папа, – попросила Роксана, и тень пробежала по ее лицу.

Она сидела на диване рядом с креслом отца.

Заглянувший в гостиную Джал подстроил свой слуховой аппарат, который особенно понимал его, когда разговаривали несколько человек.

– Что? Что такое? Кто говорил про сотейник?

– Про сотню, – поправила Роксана и пересказала брату то, что он не расслышал. Джал улыбался и кивал. Но тут его позвала Куми, и он заспешил к ней на кухню.

– А у тебя сколько дней рождения до сотни? – спросил Нариман Джехангира. – Девяносто два?

– Нет, дедушка, так было в прошлом году. Теперь всего девяносто один.

– А у Мурада?

– Всего восемьдесят семь.

– Замечательно. Скоро вы будете молодыми людьми, у вас появятся девушки. Надеюсь, вы меня пригласите на свои свадьбы?

Настроение Наримана улучшалось с каждой минутой. Веселье, смех и молодость действовали как противоядие обволакивающей эту квартиру унылости, тем тягучим часам, когда ему казалось, что даже стены с потолками покрыты налетом тоски несчастливых десятилетий. Даже мебель из тика и розового дерева, громоздкие шкафы и кровати с балдахинами на четырех столбиках, тяжеловесные остовы, ждущие пугающей кончины, опять выглядели уютно и приветливо. А длинный ряд фамильных портретов в коридоре – как комичны сейчас их кислые лица!!

– У Джала и Куми все хорошо? – шепнула Роксана.

– Обычный театр и фырк-фырк, ничего особенного. По большей части...

Он замолчал – в гостиную входила Куми с большим блюдом хрустящих картофельных ломтиков и громким «хэлло», обращенным ко всем собравшимся. Взгляд ее сразу упал на свалившиеся гардины, но негодование не успело излиться в слова – Роксана опередила ее:

– Видишь, что этот негодный мальчишка натворил! Ну ничего, он еще свое получит!

Куми осталось только проявить великодушие:

– Ничего страшного. Джал все приведет в порядок. Только бы бесстыжие зеваки в окна не начали заглядывать.

– Мы же на третьем этаже, тетя, – встрял Джехангир.

– Ты думаешь, зеваки лишь только по улицам бродят? Могут из окна напротив пялить глаза. Или даже в телескоп смотреть из во-он той высотки, что в миле отсюда.

– Кто там смотрит из высотки? – недоуменно спросил Джал.

– Выключил бы ты свою машину, – посоветовала Куми, – все равно разговор ведь не о серьезном.

– Пускай слушает! – возмутилась Роксана. – Ему тоже хочется участвовать в разговоре.

– А кто будет платить за новые батарейки? Ты знаешь, почему они и как их жрет эта его коробочка?

– Аппарат – вещь необходимая, это как лекарство.

– Оттого, что вещь необходима, деньги на ее покупку чудом не появятся, – огрызнулась Куми. – Все дорого: лук, картошка, хлеб, масло, кухонный газ, – перечисляла Куми.

– Нужно составить бюджет на все расходы, – посоветовала Роксана. – Заведи отдельный конверт для каждой траты.

– Благодарю вас, я тоже проходила экономику домоводства в школе. Какой смысл в конвертах, когда в них нечего класть?

– Ты права. – Йезаду хотелось положить конец спору. – У всех одни и те же проблемы.

– Глупости! Вам же не приходится ухаживать за папой, а на это столько денег уходит!

Роксана открыла было рот, чтобы напомнить ей, что папа получает пенсию, но Йезад подал жене знак – дурацкий спор из-за батареек грозил перейти в полновесную ссору – и сменил тему:

– Скажи, Куми, что это за бесконечная стукотня?

– Это идиот Эдуль Мунши стучит, кто же еще?

– Вот кто с радостью повесит гардины, – пошутил Йезад.

Джал изобразил ужас:

– Кто угодно, только не Эдуль. Если не хочешь, чтоб на нас потолок обрушился!

Все расхохотались. Эдуль Мунши, живший этажом ниже, считал себя талантливым мастером на все руки. Доказательством могла служить дверь в его квартиру – пластинка с именем хозяина прибита криво, крючок изнутри не попадет в скобку. Весь дом знал, что он владеет замечательным набором инструментов, и весь дом боялся его готовности прийти на помощь в случае поломки. Эдуль радостно предлагал соседям инструменты и себя в придачу. Он горел желанием поработать у соседей, потому что в собственной квартире ему больше не разрешалось ничего чинить. Миссис Мунши решила, что не может позволить мужу разрушить всю квартиру – должен быть предел.

– Интересно, кто тот несчастный, которого на этот раз подловил Эдуль на свои инструменты?

Снова раздался смех, и Нариман с удовлетворением обвел взглядом гостиную, радуясь, что ссоры удалось избежать.

– Не пора ли выпить? – спросил он.

– Пять минут можешь подождать? У меня готовы угли для лобана, и солнце уже село.

Она вышла из гостиной и вернулась в белом муслиновом покрывале, неся в руках серебряную кадилъницу, источающую светлый дымок.

Роксана с наслаждением вдохнула запах ладана; для нее обряды и религия значили куда больше, чем для Йезада. После внезапной смерти матери воспитанием Роксаны занималась материнская родня – угрызения совести не позволили Нариману ни в чем противиться родственникам покойной жены. Они учили Роксану молиться, совершили ее навджоте – обряд посвящения в парсы, по праздникам водили в храм огня.

Позднее, в замужестве, ей очень недоставало соблюдения обрядов, но Йезад не верил в них, говорил, что ему достаточно посещения храма по большим праздникам, а ладан хорош только от moskitov.

Серебряная кадилъница в руках Куми, доставшаяся ей от мамы, вызывала у Роксаны благоговейное чувство и воскрешала детские воспоминания. Она ждала своей очереди поклониться огню. Но Куми сначала поднесла кадилъницу Йезаду, который сидел ближе. Тот ритуально сложил ладони перед грудью.

– Покрой голову, – шепнула мужу Роксана.

– Извини, – пробормотал он.

Он прикрыл одной рукой макушку, другой повел в сторону кадилъницы, направляя дым на себя. Мурад и Джехангир ухмылялись, наблюдая за неумелыми движениями отца.

Обойдя всех, Куми двинулась вокруг гостиной. За ней лениво тянулась струйка дыма. Торжественность, с которой она совершала обряд, забавляла мальчиков.

– Ваша тетка очень благочестивая женщина, – пряча усмешку, заметил Йезад вслед удаляющейся Куми.

– Воистину, – сказал Нариман. – Она на прямой связи с Богом.

– Не надо, – попросила раздосадованная Роксана, которой так хотелось сохранить ощущение торжественности обряда, когда кажется, будто с запахом ладана по дому плывут ангелы-фаришты.

Куми сбросила муслиновое покрывало с головы на плечи и объявила, что теперь можно и выпить.

– Что будете пить, Мурад и Джехангир, фанту или севен-ап? А может быть, – она широко раскрыла глаза, показывая, что речь пойдет об особом лакомстве, – может, вам налить моего домашнего малинового шербета? Я лично собираюсь пить шербет.

Детям был отлично известен теткин шербет – розоватый переслащенный безвкусный напиток.

– Шербет потом, – ответил Мурад, – а сейчас мне фанту.

– Мне тоже, тетя! – подхватил Джехангир.

Джал вызвался заняться взрослой выпивкой и принялся смешивать скотч и содовую для Йезада, Наримана и себя. Роксана попросила налить ей отвергнутого малинового шербета, и Куми сразу просияла.

– Мученица, – шепнул Йезад жене, легко коснувшись губами мочки ее уха.

Нариман заметил и тихонько улыбнулся. Он радовался счастью дочери, ее отношениям с Йезадом. Он часто видел, как они обмениваются едва приметными, невидимыми миру сигналами нежности.

Но ее выбор напитка Нариман опротестовал.

– Шербет? В день моего рождения? Нет уж, выпей чего-нибудь покрепче.

– Не нужно, папа, спиртное сразу ударяет мне в голову, а потом меня ноги не держат.

– Чиф прав, Рокси, – поддержал тестя Йезад. – Сегодня особый день.

Мурад и Джехангир тоже подали голоса:

– Да, мама, сегодня такой день!

Детям случалось видеть маму чуть-чуть навеселе не чаще одного, ну двух раз в год, но им это очень нравилось, потому что тогда с маминого лица исчезало выражение вечной озабоченности.

Роксана со вздохом, будто берясь за трудное дело, согласилась выпить рому с фантой.

– Только, Джал, капельку рома и побольше фанты.

Она откинулась в кресле, предвкушая праздничное удовольствие.

Мурад, дожидаясь своей фанты, от нечего делать подошел к горке, которая занимала почетное место в гостиной. Джехангир немедленно потянулся за братом. Горка всегда притягивала детей, как магнит, а от строжайшего наказа тети и дяди ничего там не трогать ее притягательная сила только возрастала.

Роксана с нарастающим беспокойством поглядывала на сыновей. Нариман повел рукой, будто желая успокоить дочь.

– Папа, ты себе не представляешь, на что способен Мурад. Такой чават растет, такой хитрюга! А младший ему подражает, когда они вместе. В одиночестве Джехангир может часами сидеть с книжкой или складывать головоломки.

Она легонько подтолкнула локтем мужа, чтобы тот следил за мальчиками.

– Боже сохрани, чтоб они что-то напортили в святилище.

«Святилище» было их тайным словечком для обозначения уймы безделушек, игрушек и стеклянных поделок, которыми была заполнена горка, благоговейно почитаемая Джалом и Куми. Среди чтимых святынь был клоун, который шевелил ушами, когда ему нажимали на живот, пушистая белая собачка с качающейся головой, крохотные модельки старинных автомобилей и работавший от батарейки Элвис Пресли, который беззвучно перебирал струны своей гитары. В былые времена Элвис пел «Деревянное сердце», но, как любил рассказывать гостям Джал, что-то в механизме сломалось в тот самый августовский день, когда умер Король.

Когда приобреталась новая безделушка, ее с гордостью демонстрировали гостям, потом торжественно помещали за стекло. Как говорил Йезад, единственное, чего недоставало в ритуале, это курения благовоний, возложения цветов и пения молитвенных гимнов. Он отмахивался от объяснений Наримана, что причина тут в болезни отца Джала и Куми и в их тяжелом детстве. На свете много обездоленных детей, возражал Йезад, но не все, выросши, фанатично играют в игрушки.

Помимо игрушек на полках стояли серебряные кубки – школьные призы Джала и Куми. К кубкам прикреплены карточки с указанием, за что получены призы: Джал Палонджи Кон-

трактор, третья премия, бег на трех ногах, 1954; Куми Палонджи Контрактор, вторая премия, бег с лимоном на ложке, 1956, и так далее. Они хранили не все призы: только полученные на тех соревнованиях, на которых присутствовал и подбадривал детей отец.

И две пары наручных часов, теперь уже слишком маленьких для их запястий, и два вечных пера – подарки отца к навджоте сына и дочери. А было это почти сорок лет назад. По совету семейного жреца, дастурджи, с церемонией навджоте заспешили, когда стало ясно, что Палонджи осталось недолго. Дети не успели выучить все необходимые молитвы, но дастурджи заверил семью, что не станет обращать внимания на недочеты: лучше отцу присутствовать на церемонии, даже если посвящаемые помнят не все слова, дабы он спокойно умер, зная, что дети должным образом вошли в зороастрийскую общину.

Мураду надоело смотреть через стекло, и он решил открыть дверцу горки. Роксана тихонько подтолкнула Йезада, и тот предупредил сына, чтобы он ничего не трогал.

– Стекло пыльное, за ним ничего не видно.

Мурад окинул взглядом полки. Его не заинтересовали вазы, серебряные трофеи, пластмассовая гондола с гондольером, фирменный махараджа «Эр-Индии» на носу реактивного самолета, миниатюрная Эйфелева башня. Любопытство у него вызвали две ухмыляющиеся обезьянки в самом центре выставки.

У одной был барабан с палочками, другая держала в лапах бутылку с надписью «выпивка». У обеих сзади торчало по ключику. Мурад повернулся спиной к гостинице, чтобы не видно было, что он делает, и стал заводить барабанщика. Сообщник Джахангир прикрывал брата.

Но предательская пружина выдала братьев. Куми знала ее звук, как мать – дыхание своего дитяти. Забыв про напитки, она бросилась к бесценной своей горке.

– Как не стыдно, Мурад, как не стыдно! – Она притворялась спокойной, но срывающийся голос выдавал ее чувства. – Я тебе тысячу раз говорила, не трогай горку!

– Немедленно поставь вещь на место, – сказала Роксана.

– Я же ничего не ломаю, – возразил Мурад, продолжая крутить ключик.

– Ты слышал, что сказала мама! – прикрикнул на сына Йезад.

– Дай обезьянку дяде Джалу, негодный мальчишка, – вышла из себя Куми. – Пусть он заведет ее.

– Я хочу сам!

Йезад поднялся на ноги. Мурад понял, что пора сдаваться. Но не успел – Куми влепила ему оплеуху.

Испугавшись, как бы Йезад не врезал и Мураду, и Куми, Роксана вскочила с дивана, оттолкнула сына в кресло, придержала руку мужа и резко бросила Куми, что если надо наказать ребенка, то можно пожаловаться родителям! Благо они рядом!

– Я еще жаловаться должна? Вы тут расселись и спокойно смотрите, как он хулиганит! Если бы вы выполняли родительский долг, мне не пришлось бы на него руку поднимать!

– Шутишь?! – вспылil Йезад. – Если ребенок взял игрушку в руки, так это называется хулиганить?

– Давай, защищай его! Вот так дети и сбиваются с пути!

– Ты пойми, Мурад, дикра, – Джал морщился, прижимая палец к уху, – тут очень деликатный механизм.

Лишний поворот ключа – и пружина может сломаться. Тогда мой барабанщик будет молчать, как замолчал мой Элвис.

Он завел игрушку и поставил ее на стол. Лапки обезьянки заходили вверх-вниз, палочки легонько постукивали по барабану.

– Замечательно, правда? Я и вторую тебе заведу.

Вторая обезьянка подносила бутылку ко рту, опускала ее, подносила и опускала...

– Потрясающая парочка, я тебе скажу! На нее можно смотреть без конца.

Дети не проявляли ни малейшего интереса. Им-то хотелось самостоятельно завести обезьянок, самим привести их в движение, а так...

– Неблагодарные дети, – проворчала Куми, – даже не смотрят...

– Хватит, Куми, – сказал Нариман. – Забудем.

Но кровь Куми уже кипела от обиды. Ничего она не забудет, заявила Куми, это он умеет так решать проблемы. Поэтому не стоит удивляться, что он и свою жизнь исковеркал, и другим не дал жить. Не стоит удивляться, что он бесстыдно крутил роман с этой Люси Браганца, погубил и мамину жизнь, и...

Нариман обвел взглядом присутствующих и вскинул руки жестом бессильного извинения. Роксана попыталась остановить сестру:

– Ну при чем тут эти дела, Куми? К чему вытаскивать их на свет божий? Да еще при детях. И я не понимаю, какое отношение имеют к этому обезьянки?

– Не вмешивайся в мой разговор с папой! Хочешь понять, так подумай немножко! Этот так называемый отец, он шесть жизней превратил в кошмар, и я никогда ему этого не прощу, особенно его постыдных отношений с любовницей после женитьбы. Кем должна была быть эта женщина – ведьма, а не женщина, – чтобы пойти на такое? А если ей хотелось так закончить свою жизнь, то почему ей было не оказать им всем милость и не...

– Куми, – прервал ее Джал, – мы должны показать Рокси новую куклу, которую ты купила. Посмотри, Рокси. Японская кукла.

Джал добился лишь частичного успеха: Куми понизила голос, но продолжала бурчать. Послушные восторги Роксаны – прелестное кимоно, а какие цвета чудные, и вышивка настоящей золотой нитью – постепенно утихомирили Куми. Она даже привлекла внимание Роксаны к малюсенькому зонтику, который ей нравился даже больше, чем очаровательные крошечные туфельки.

Затем игрушки были возвращены в горку и заперты на ключ. Расплатившись за прегрешения детей, Роксана снова уселась рядом с отцом, тихо радуясь восстановлению мира.

Три скотча с содовой, две фанты, один ром с фантой и домашний шербет Куми были наконец разлиты по бокалам. Выпили за здоровье Наримана, после чего он предложил тост за четырех обезьянок.

– За четырех? – переспросил Джал.

– За двух обезьянок Куми и за двух обезьянок Рокси.

Они засмеялись, даже Куми улыбнулась за компанию. Нариман спросил мальчиков, как дела в школе после каникул.

– Как вам нравятся новые уроки?

– Они уже не новые, дедушка, – ответил Джехангир. – Учебный год давно начался: одиннадцатого июня. Почти два месяца назад.

– Так давно? – усмехнулся Нариман, вспоминая собственное детство, когда время вело себя так же разумно, а не проносилось равнодушно мимо, как теперь, когда дни и недели пролетают в мгновение ока. – А как ваши учителя?

– Нормально, – хором ответили оба.

– Расскажи дедушке, кем тебя назначила учительница, – подсказала сыну Роксана.

– Я – контролер домашних заданий. – Джехангир объяснил, что в классе три контролера, которым поручено проверять выполнение домашних заданий в классе.

– А если окажется, что кто-то не выполнил? – спросил Нариман.

– Я должен сказать мисс Альварес, и этому мальчику поставят ноль.

– И ты это делаешь?

– Конечно! – ответил Джехангир, а его мать изобразила на лице удивление вопросом.

– Ну, а если ты дружишь с этим мальчиком? Все равно скажешь учительнице?

- Мои друзья всегда выполняют домашние задания.
- Толковый ответ, – заметил Джал.
- Так чей же сын? – спросил Йезад, и все засмеялись.
- Если бы такую систему ввело правительство Индии, – сказал Джал, – богатые ученики вместо домашних заданий давали бы взятки учителям.
- А директор школы, – хихикнул Йезад, – грозился уволить учителей, если те не будут отстегивать ему процент.
- Не учи детей коррупции, – сказала Роксана.
- Коррупция носится в самом воздухе, которым мы дышим. Страна специализируется на превращении честных людей в жулье. Правильно, чиф?
- Ответ, к сожалению, да.
- Псу под хвост пошла страна. И не породистому псу, а шавкам.
- Может быть, коалиция БДП и Шив Сены исправит дело, – предположил Джал. – Мы должны дать им шанс.
- Йезад засмеялся:
- А ядовитой змее ты тоже дал бы шанс, если бы нарвался на нее? Эти две партии и подначили индусских экстремистов на разрушение мечети Бабри Масджид.
- Да, но то было...
- А как насчет ненависти к меньшинствам, которую Шив Сена насаждает уже тридцать лет?
- Он отхлебнул большой глоток виски.
- Пап, а ты знаешь, что Шив Сена устраивает концерт Майкла Джексона? – влез Мурад.
- Все знают, – ответил ему Джал. – В газетах было. И Шив Сена миллионы на этом загребет. Они добились освобождения от налогов, потому что это, видите ли, культурное событие национального значения.
- А как же! – откликнулся Йезад. – Майкл Джексон со своим сверкающим гольфиком и рукой на пахе жизненно необходим для нации. Удивительно, что лидер Шив Сена не объявил его врагом чего-то, даже врагом хорошего вкуса не объявил. Ведь этот придурок направо и налево раздает ярлыки «анти» – антито, антисе. Южане у нас – антибомбейцы, Валентинов день – антииндусская затея. Кинозвезды, если они родом из той части Пенджаба, которая после сорок седьмого к Пакистану отошла, предатели родины.
- Боюсь, если у него живот начнет пучить от карелы, так он эту тыкву объявит антинациональным овощем, – хихикнул Нариман.
- Будем надеяться, что ему набедренная повязка в паху не натирает, а то как бы он все нижнее белье не запретил, – сказал Джал.
- Йезад налил себе виски, разбавил содовой.
- Откровенно говоря, мне все равно, кто у нас в правительстве и что они там делают. Я больше не верю в спасителей нации. Каждый раз получаем спасителя с половинкой.
- Пап, а почему ты про все говоришь «с половинкой»? – спросил Джехангир.
- Потому что половинка – это самое главное.
- Джехангир не понял, но все равно засмеялся. Ему нравилось слушать рассуждения отца.
- Давайте о другом поговорим, – предложила Роксана. – Скучно о политике.
- Ты права. Итак, чиф, что вы думаете о первенстве мира по крикету?
- Нариман покачал головой:
- Я не одобряю эту новую разноцветную форму. Крикет – это белая фланель. А вырядиться как попугай и обязательно закончить матч в один день – это не крикет.
- Хуже всего фанатизм, – вздохнул Йезад. – Каждая игра между Индией и Пакистаном как новая война в Кашмире.
- Я думала, мы больше о политике не говорим.

- Извини, Рокси. Чиф, так когда вы посмотрите, что вам подарили?
- Прямо сейчас!

Мальчики помчались в прихожую за подарком. Длинный узкий сверток был положен Нариману на колени, где он подрагивал в такт дрожанию его ног.

- Дедушка, можешь угадать, что это?
- Ружье? Меч?

Мальчики отрицательно качали головами.

- Длиннющая скалка для огромных лепешек?
- Опять не то, дедушка!
- Сдаюсь!

Роксана предложила дожждаться Куми, но та крикнула из столовой, чтобы развернули без нее, ей некогда, она сейчас не может отвлекаться. Куми застучала посудой, напоминая о себе и о том, что она занята обедом, а не глупостями.

Видя, что отцу не справиться с оберткой, Роксана незаметно призвала на помощь Мурада. Отца она спросила, помогает ли новое лекарство.

- Сейчас гораздо лучше, смотри сама.

Нариман расставил трясущиеся пальцы.

- Как скала. Ну, почти как скала.

Из-под обрывков упаковки появилась трость.

- Какая красота! – Нариман провел рукой по отполированному дереву.
- Настоящий орех, чиф.

– Смотри, дедушка, мы надели на нее специальный резиновый наконечник, чтоб не скользила.

- Замечательно, – восхитился Нариман, передавая палку Джалу.

Джал тоже выразил восхищение подарком и для наглядности даже постучал тростью по полу.

Куми заглянула в гостиную – и застыла на пороге.

- Глазам своим не верю!
- В чем дело, цвет не тот? – забеспокоилась Роксана, зная суеверность сестры.
- Задумайтесь на минутку. Что вы дарите? И кому? Трость. Папе.
- Он любит ходить пешком, – ответил Йезад. – Палка ему пригодится.
- Мы не хотим, чтобы он ходил пешком! У него остеопороз, болезнь Паркинсона, пониженное давление – он просто ходячая медицинская энциклопедия!

– И ты хочешь поставить меня на полку. А я не собираюсь находиться круглые сутки в закрытом помещении.

- Согласен с вами, чиф. Так спятить можно.

– Ах, ты согласен? А что вчера случилось, тебе известно? Я не хотела говорить об этом в папин день рождения, но теперь скажу! Хотя нет. Пускай Джал расскажет. Скажи им, Джал.

Джал откашлялся, поправил слуховой аппарат и кротко сказал, что вчера с папой случилась беда.

– Глупости, я просто споткнулся и подвернул ногу, вот и все. – Нариман подтянул рукав, демонстрируя пластырь. – Вот она, чудовищная рана, которая напугала их.

Смех Йезада и улыбка облегчения на губах Роксаны сбили Куми с толку.

– Вы меня послушайте, – взмолилась она. – В следующий раз он может так легко не отделаться. Шутка ли, в его возрасте гулять одному!

– Так, может быть, вы с ним будете выходить? Прогулка всем пойдет на пользу, – предложила Роксана.

– Хочешь одним махом всех нас покалечить? А ты почему молчишь? – набросилась Куми на брата. – Всегда я должна спорить и оказываться плохой?

– Это все слуховой аппарат, Джал из-за него не может участвовать в разговоре, – вступился Йезад. – Знаешь, Джал, современная техника творит чудеса, теперь есть более совершенные приспособления, такие миниатюрные, что их и не видно.

– Да брось ты, – оборвала его Куми, – если он с большим аппаратом не слышит, как ему маленький поможет?

– Сейчас улицы – гиблое место, – начал Джал. – Пешеходные дорожки разрыты, пешеходы вынуждены идти по проезжей части. Что ни день – десятки несчастных случаев. Мы уговариваем папу гулять по квартире, благо она такая большая. Свежим воздухом можно на балконе подышать. К чему рисковать жизнью и конечностями на этих убийственных тротуарах?

– Мне кажется, вы преувеличиваете, – сказал Йезад. – Я не спору, ходить нужно с осторожностью и не полагаться на дорожную сигнализацию. Но мы все-таки в цивилизованном городе живем.

– Да? – съехидничала Куми. – Почему же ты хотел в Канаду уехать?

Об этом Йезад не любил вспоминать.

– Это когда было. И причина была не в уличном движении и не в плохих тротуарах.

В ответ Куми объявила, что раз так, раз они считают, что папины прогулки не опасны, то она лично больше не будет сопротивляться. Но если, боже упаси, с папой что-то случится, то они с Джалом доставят папу прямиком к месту жительства Ченоев.

– Чифу мы всегда рады, – согласился Йезад, – только не забудьте заодно прихватить одну из свободных комнат. Мы живем в двухкомнатной квартирке, а не в семикомнатном дворце, как вы.

– Смейся, смейся. А я серьезно. Другого выхода просто не будет, – заявила Куми. – На сиделку или медсестру денег нет, а о больнице для хроников не может быть и речи. Пускай Джал расскажет, как идут дела на бирже, маминых денег только-только хватает на самое необходимое. А папа все свои средства вложил в вашу квартиру – о чем вы прекрасно знаете.

– Но вы живете в таком чудном доме! – вздохнула Роксана. – Что ж вы вечно нам завидуете?

– Чудный дом? Дом с привидениями, который давно пришел в разор и запустение! Вы посмотрите на эти стены, их уже тридцать лет не красили. Что мы будем делать, если потечет крыша или выйдет из строя последний клозет, я просто не знаю. Подумать только, ведь мы могли жить вместе, одной семьей – нет, вам потребовалось отделиться.

– Постой, – остановил ее Нариман, – Роксана ни при чем, это было мое решение.

– Почему мы вообще ворошим эту старую историю? – не выдержала Роксана. – Только потому, что тебе не понравился наш подарок папе?

– Подарок, трость эта, лишнее свидетельство того, какой ты стала невнимательной. Ты не была такой раньше, пока не вышла замуж и не уехала от нас. А теперь тебя совершенно не волнует, как мы тут – живем или умираем. И мне от этого больно!

Куми отвернулась, вытирая слезы. Роксана замерла, почувствовав себя преступницей.

– Не надо, Куми. – Она обняла сестру. – Куми, не говори глупости, я каждый день думаю о тебе, о Джале, о папе... Ну не плачь, Куми...

Она подвела сестру к дивану и усадила между собой и Йезадом. Куми, всхлипывая, пожаловалась, что никто и слова не сказал про рубашку, которую они с Джалом подарили папе.

– Отличная рубашка, – заверила ее Роксана.

– Они похвалили ее, как только вошли, – помог отец. – Ты была на кухне.

– Вот что, чиф, а как насчет головоломки вместо этой трости, а? Я уверен, что Джехангир с радостью подарит вам одну из своих. Или одну из своих книжек про приключения «Знаменитой пятерки».

– С одним условием – чтобы каждый вечер Куми и Джал читали мне по одному приключению.

– И будете вы «Знаменитая тройка»! – заключил Джехангир, рассмешив всех, включая Куми.

Куми пригласила к столу с обычными извинениями за скромность обеда: она старалась, как могла, но чего хочешь, того никогда нет в продаже, цены на рынке дикие, качественных продуктов не достать, все идет на экспорт и так трудно накрыть приличный стол.

– Запах фантастический! – потянул носом Йезад.

– Вкусно пахнет, – подтвердил Мурад, которому тетка указала на один из двух стульев в конце стола.

Джехангир попытался сесть поближе к деду, но Куми перехватила его и усадила рядом с братом.

Все расселись, но тут Нариман спросил, почему не выставлен фарфоровый сервиз. Куми схватилась за голову.

– Каждый год, папа, ты задаешь мне этот вопрос. А если что-то разобьется или треснет?

– Она права, папа, – вступилась Роксана. – Мы у себя тоже не пользуемся дорогой посудой.

– Как бы то ни было, сегодня я хочу видеть хороший фарфор на столе.

Джехангир тихонечко повторил это выражение – «как бы то ни было», смакуя сочетание слов. Отец шепнул ему, что никто в семье не говорит по-английски так, как дед.

– Я тебя умоляю, папа. Пожалуйста! Если что-то из посуды треснет, мы не сможем найти замену! И пропал весь сервиз.

– Придется пойти на риск. Жизнь продолжается. Если посуда стоит без пользы под замком, она в конце концов в буфете побьется. И что толку? Лучше получить удовольствие от нее.

– Хорошо, – согласилась Куми, отпирая буфет и доставая тарелку. – Доволен? Ты будешь есть с этой тарелки.

– Выставь весь сервиз. Обеденные тарелки, сервировочные. Большое блюдо для риса, салатницы и соусники.

– Но все уже подано! Ты хочешь, чтобы я все переложила, а потом мыла в два раза больше посуды? Извини, я не в силах.

– В таком случае вам придется обедать без меня.

Не обращая внимания на голоса протеста, он сделал попытку выйти из-за стола. Куми, чуть не плача, взывала к окружающим: вот, вот они, его капризы, вот что она вынуждена терпеть каждый день.

– На мой взгляд, чиф, на простых тарелках еда вкусней, – уговаривал Наримана Йезад. – Красивая посуда своей элегантностью отвлекает внимание от главного.

Джехангир и Мурад уверяли, что им достались красивые тарелки, и предлагали деду поменяться, соблазняя его картинками с Питером Пэном. Джал бормотал что-то о банановых листьях, есть с которых значит следовать прекрасной древней традиции. Роксана обещала отцу устроить для него обед, сервированный на ее лучшем фарфоре, если сейчас он возвратится за стол. Но Нариман был непреклонен.

– Все без толку, я сдаюсь, – наконец сказала Куми.

– Ничего, мы быстренько, – шептала ей Роксана, пока они доставали тонкую фарфоровую посуду, – а после обеда я помогу тебе все перемыть.

Джала, Йезада и мальчиков прогнали из-за стола. Когда стол был заново накрыт, еда разложена по блюдам и салатницам английского «Ройял Доултона», всех снова пригласили обедать.

– Благодарю, Куми, – сказал Нариман. – Стол выглядит великолепно.

– Не стоит благодарности, – проворчала она сквозь зубы, подавая ему первому.

Он любил рыбы головы, поэтому Куми старательно выудила для него парочку голов с блюда.

У Куми сердце екало, когда кто-то звякал посудой или со стуком ставил ее на стол. Хуже всего было видеть, как передают с рук на руки тяжелое блюдо с рисом.

– Осторожней, – взвизгнула она, когда Мурад выронил ложку, которая ударилась о край тарелки.

– Дхандар-патио³ удался, – сказала Роксана, и Куми просияла от похвалы.

– Только очень острый, – заметил Джал.

– Дхандар-патио обязательно должен быть острым, иначе он не заслуживает названия патио, – возразил Йезад, утирая салфеткой лоб, вспотевший от перца. – Не включить ли вентилятор? – предложил он.

– Не надо, папа может простудиться, – запротестовала Куми.

– В такую погоду? Скорей можно опасаться теплового удара, – ответил Нариман.

– Как угодно. Я не собираюсь спорить.

Куми поднялась из-за стола и повернула выключатель.

Лопасты потолочного вентилятора медленно пришли в движение, разгоняя застоявшийся воздух. Сидящие за столом облегченно вздохнули. Но на лопастях месяцами бездействовавшего вентилятора скопилась уйма пыли, и скоро под потолком закружились легкие серые облачка.

– Смотрите, – показал на них Мурад, первым заметивший нависшую угрозу.

– Скорей прикройте пищу! – закричала Куми, наклоняясь над своей тарелкой.

– Все в укрытие! – завопил Джехангир.

– Рассредоточиться! Ложись! – подхватил Мурад. – Прямо в грязь!

– На самом деле сейчас грязь ляжет на нас, – заметил Нариман. – Вы чего начитались? Ковбойских комиксов?

Следуя примеру Куми, все наклонились над тарелками, загораживая их от пыли. Джал бросился к выключателю...

– Не двигайтесь, пока не осядет пыль, – посоветовала Роксана.

– Как вы, чиф?

– Все хорошо. Согбенность – моя естественная поза. И она дает мне возможность получше разглядеть содержимое моей тарелки. У этой рыбы довольно злобный взгляд.

– Может быть, ей пыль в глаза попала? – предположил Йезад, а Нариман напел «пыль в твоих глазах», от чего дети пришли в полный восторг.

Зато Куми разрыдалась.

– Доволен своим вентилятором? Погубил обед, на который я целый день убила!

Роксана сказала, что ничего не погублено, все замечательно, пыль заметили вовремя и сразу приняли меры, так что ничего не случилось.

– Мне так хочется еще рыбки, дхандар-патио на редкость вкусный. Скоро можно будет есть?

Оглядевшись по сторонам, Джал объявил, что пыль осела и воздух безопасен. Сидящие за столом распрямились и, чтобы утешить Куми, набросились на еду. Некоторое время в столовой слышался только стук ножей и вилок.

Тишину разорвал оглушительный вой электроинструмента. Куми отшвырнула салфетку. Хорошего понемножку, когда стучат молотком – это одно, но дикое завывание, да еще в такую поздноту, невозможно терпеть!

Куми высунулась в окно:

– Мистер Мунши, прекратите этот шум! Хаэ, Эдуль Мунши! Сегодня папин день рождения, и мы обедаем. Имейте совесть и немедленно прекратите этот идиотский шум!

³ Дхандар – персидский соус-суп из дала. Патио – морепродукты в остром соусе, часто креветки.

Инструмент замолк, она вернулась за стол и хмуро уставилась в тарелку. Джал сказал, что Манизе, жена Эдуля Мунши, очень славная женщина, и скорей всего это она заставила его остановиться.

– Воздадим каждому по заслугам, – возразил Нариман. – Куми умеет добиваться результатов.

Обед закончился спокойно. Ножи и вилки перестали стучать, все были сыты. Роксана попросила мальчиков отнести посуду на кухню, Джехангир бросился собирать тарелки со стола, опередив Мурада. Он понимал, что мама хочет быть поласковой с тетей Куми, а заодно старается показать, какие хорошие мальчики ее сыновья.

Нариман извинился – что-то застряло в зубных протезах. Джехангир проводил деда в ванную, чтобы посмотреть, как тот вынимает и чистит вставные челюсти.

– Знаешь, дедушка, мне хотелось бы, чтобы и у меня вынимались зубы. Так легче чистить и щеткой всюду достать можно.

Нариман беззубо рассмеялся, понюхал, не пахнет ли от протеза, и вставил его на место.

На десерт подали фалоду, потом вышли на балкон. Дождь прошел, в воздухе пахло свежестью. Пересмеиваясь, помогали друг другу отряхнуть пыль с одежды; Джехангир воспользовался случаем, чтобы хорошенько треснуть Мурада по спине. Взрослые забыли о своих стычках. Эдуль Мунши, памятуя о позднем часе, совсем негромко постукивал своим молотком.

– Чало, пошли, нам пора, – сказала Роксана. – Завтра в школу.

– Как бы то ни было, давай побудем еще чуточку. – Джехангир был доволен, что сумел вставить фразу.

Дед со смехом взъерошил внуку волосы.

– Верно, посидим еще немного. Не спеши.

– Вы не знаете, что это за фрукт, – поднялся на ноги Йезад. – Его завтра с постели не поднимешь – ой, ай, голова болит, живот урчит, попка ноет.

– Мы скоро снова придем, – пообещала Роксана, целуя отца.

Нариман с тоской смотрел, как Джал несет из ванной просохшие зонтики и плащи.

Заперев на ночь двери, Куми сказала, что после каждого визита семейства Ченой у нее такое чувство, будто по дому ураган пронесся, настоящий смерч.

– Странно, – заметил Нариман, – а у меня такое чувство, будто свежий ветерок разогнал затхлый воздух.

– Никогда не упustiшь случая поддеть меня, да?

– Да нет же, Куми, – устало сказал Джал, – папа не поддевает тебя. Это просто разница в оценке.

Они оказались одни на автобусной остановке, где в просевшем асфальте образовалась большая лужа. Кроме них – никого. Мокрая, глянцеви́то-черная дорога отражала свет уличного фонаря, под колесами машин поблескивала и шипела вода.

– Папа так мало говорил сегодня, – сказала Роксана.

– Но Куми он спуску не давал, – хихикнул Йезад и, понизив голос, прибавил, что доктор Тарапоре предупреждал об этом симптоме.

Джехангир спросил, кто такая Люси; мать объяснила ему, что это давнишняя приятельница дедушки.

– Девушка его, – ухмыльнулся Мурад.

Мать сказала, чтобы он глупости не говорил. Но Джехангир не унимался, он хотел знать, почему тетя Куми так сердилась из-за Люси.

– Вырастешь, узнаешь.

– Тут нечего скрывать, – возразил Йезад, – раз спрашивает, так скажи ему.

Роксана неохотно рассказала, что дедушка хотел жениться на Люси, но не мог, потому что она была не из парсов. Тогда дедушка женился на маме дяди Джала и тети Куми.

– То есть на моей маме, потому что меня родила она.

Из ответа Джехангир все равно не понял, почему сердилась тетя, и спросил, есть ли закон, по которому запрещается жениться не на парсах. Есть, ответил отец, это закон мракобесия, а мама с раздражением сказала, что он сбивает ребенка с толку.

Тогда Йезад помог ей сменить тему и стал поддразнивать жену – если бы она не вышла за него замуж, то и сейчас играла бы с игрушками из родительского дома. Мальчики сразу принялись изображать заводных обезьянок, заводя друг друга, механическими движениями отхлебывая из бутылки и стуча в барабан.

– Бедные Джал и Куми, – вздохнула Роксана, – так все это грустно.

– Почему? – спросил Джехангир.

– Потому, что ни у него, ни у нее нет семьи. Нет детей, как у нас.

– И в доме у них всегда тоска, – прибавил Мурад.

На остановку, пошатываясь, вышли двое и остановились позади Ченоев. Пересмеиваясь, громко перешучиваясь и дыша густым перегаром, они подталкивали друг друга, пока один не задел Роксану.

– Извиняюсь, извиняюсь и еще раз извиняюсь, – хихикнул он.

Йезад стал придвигаться к ним, загораживая жену и детей. Маневр был замечен и не понравился.

– Браток, я ж извинился перед твоей женой!

– Все нормально.

– Что ж бояться-то, пускай стоит рядом с нами!

– Да все нормально.

– Аре, приятель, мы неплохие люди. Ну, выпили капельку, зато нам теперь хорошо, даже очень хорошо!

– Вот и хорошо, что хорошо.

– Не обращай внимания, – беззвучно, одними губами, произнесла Роксана.

– «Что там в блузке у нее...» – пропел один, нарочито похабно обращая свой вопрос к Роксане, которая сжалась в страхе перед реакцией Йезада.

– Ты только не обращай внимания, Йезад, – одними губами умоляла Роксана.

Мурад и Джехангир, до которых дошел смысл популярной песенки, стыдась и трюся, взяли ее за руки.

Их отец повернулся к пьяным и, не повышая голоса, сказал певцу «заткнись».

– Ты нам, браток, не угрожай, не порть нам настроение! В чем дело, песни на хинди тебе не нравятся?

– Эта не нравится. – Йезад старался говорить спокойно. – Или, может, хотите узнать, что там в кулаках у меня?

– Прекрати, Йезад!

– «Прекрати, Йезад», – пропищал один, и оба покатались со смеху. – Ты с нами, дядя, не заводись, мы из Шив Сены, мы ребята непобедимые!

К огромному облегчению Роксаны, к остановке, тарахтя, подкатил автобус. Господи, сто тридцать второй, наш! Она потащила детей к ступенькам.

Пьяные остались на остановке. «Гудбай, – крикнул один вслед автобусу, – прекрати, Йезад!» Другой заверещал: «Прекрати, Йезад!» Оба опять покатались со смеху.

Когда Йезад взял билеты и уселся, Роксана укорила мужа за два выпитых скотча. Без них он бы себя так не повел. И детям не показал бы плохой пример, а теперь и они будут драться в школе.

– Папа и мы с Мурадом могли бы так вздрючить их! – заявил Джехангир.

– Вот, пожалуйста! А что я говорила? Разве можно было связываться с этой пьянью? Тем более с двумя сразу.

– Двое пьяных – это два полчеловека. А я, когда рассвирепею, у меня сил прибавляется! – И на ухо ей прибавил: – А когда в запале – длины...

– Йезад! – покраснела она.

– Да я бы обоих уложил моим любимым приемом карате! Помнишь, как я кирпичи раскалывал?

Конечно, помнила, хотя было это давно, еще до того, как они поженились. Однажды поздно вечером гуляли возле Висячих садов, шли мимо заброшенной строительной площадки со сторожем, дремавшим в уголке. Вдруг Йезад заметил грудку кирпичей и сказал:

– Хочешь, фокус покажу?

Он поставил на ребро два кирпича, положил на них третий и расколол его одним ударом. Она не поверила, сказала, что он ее дурачит, наверняка выбрал треснутый кирпич.

– О'кей, – сказал он, – выбери сама.

Она выбрала – он и этот разбил.

Роксана улыбнулась, вспоминая тот случай.

– Тогда ты молодой был. Сейчас у тебя рука уже не та.

– Достаточно твердая у меня рука, чтобы им шеи переломать!

Мурад сказал, что никогда не видел, как папа раскалывает кирпич надвое. Джехангир потребовал, чтобы папа показал, как это делается.

– Прямо в автобусе? Откуда здесь кирпичи? – с досадой спросила Роксана, а мужу повторила:

– Нельзя обращать внимания на уличную пьянь.

– Есть вещи, на которые нельзя не обращать внимания! Пожалуй, Джал прав – Бомбей превратился в дикие джунгли.

– Тебе надо опять попробовать в Канаду уехать, папа, – сказал Джехангир.

– Нет. Им там не нужен продавец спортивных товаров. Подрастешь, попробуй сам. Учись полезным вещам – компьютерам, менеджменту, и тебя примут с распростертыми объятиями. Не как твой отец – история, литература, философия.

Автобус подъезжал к мосту Сандхерст, откуда сворачивал на Хьюз-роуд, и мальчики прилипли к окну – сейчас покажется дом, в котором вырос отец.

– Вот он, мой дом! – закричал Джехангир, завидев «Джехангир-палас».

Всем стало смешно.

Братья, не отрываясь, всматривались в окна квартиры на первом этаже, где провел детство и юность их отец. Мальчикам хотелось заглянуть в комнаты, будто внутренность квартиры рассказала бы им об отце и его жизни, когда он еще не был папой. Но окна были темны, а там, где горел свет, шторы скрывали секреты дома.

– Мы можем когда-нибудь зайти в квартиру?

Отец покачал головой.

– Вы же знаете, что квартиру продали. Там теперь живут чужие люди.

Автобус завершил поворот, мальчики молча следили глазами за исчезающим из вида «Джехангир-паласом». Некоторое время ехали в грустном молчании. Прервал его Джехангир:

– А я бы хотел, чтобы ты там остался и после женитьбы на маме. Тогда и мы с Мурадом сейчас тоже жили бы в этом доме.

– Тебе не нравится жить в «Приятной вилле»? В таком славном доме?

– Этот лучше. Тут двор с оградой, мы бы играли там.

– Это верно, – задумчиво произнес Йезад, вспоминая детство, друзей, крикет во дворе. – Но в этой квартире для всех не хватило бы места.

– И я не нравилась папиным сестрам. Ни одной из трех, – добавила Роксана.

– Будет тебе, – запротестовал Йезад, но не стал останавливать жену, поскольку всегда считал, что от детей не должно быть секретов.

Йезад, как младший из четырех детей, был объектом неослабного обожания сестер. Сестры любили единственного брата любовью яростной и ревливой, опекали его с почти маниакальной страстью. В детстве такая любовь казалась трогательной и забавной. Подростком Йезад взял на себя роль рыцаря и защитника сестер. Во сколько же драк он ввязывался в школе из-за трепотни мальчишек, если относил ее на счет сестер. Еще хуже было в колледже: на первом курсе Йезад избил двух хулиганов, которые приставали к младшей из сестер.

Потом в студенческой компании Йезада стали появляться девушки, и страстная любовь сестер приобрела деспотический характер – предвестие грядущих бед. Немыслимо – невесть откуда взявшиеся, совершенно посторонние девицы смели претендовать на частицу внимания их брата. Реакция сестер приобретала все более широкий диапазон – от негодования и гнева до горьких попреков. И Йезаду все чаще приходилось делать выбор между миром в семье и вечером в дружеской компании.

– Нашу с папой помолвку они не могли пережить, – рассказывала Роксана, – со мной едва разговаривали, не участвовали ни в одном из свадебных обрядов. Я как будто ребенка отнимала у них. И они к любой бы так отнеслись, на ком бы папа ни женился. Разве нет, папа?

Она погладила руку Йезада, он кивнул.

– А может быть, если бы вы жили вместе, они стали бы лучше относиться к маме, – предположил Мурад.

Йезад покачал головой:

– Ты своих теток не знаешь. Годами шли бы ссоры и скандалы. Что дедушка приобрел для нас квартиру, это был наилучший выход.

Джехангир сказал, что никогда не понимал, почему у них есть только дядя Джал и тетя Куми, а у других ребят полно дядей и теток.

– Мы никогда не ходим в гости к другим.

Тут Йезад объявил, что с детей хватит семейных историй – и так много узнали за один вечер: и про те вещи, которые огорчают тетю Куми, и про его сестер. Джехангир сказал, что, когда вырастет, напишет большую, толстую книгу – «Полная история семьи Ченой – Вакиль».

– Но условимся, что ты про нас будешь писать только хорошее, – сказала мама.

– Нет, – возразил Йезад, – условимся, что он напишет правду.

Глава 3

Ни стука в дверь, ни звонка, только глухой удар, от которого у Куми побежали мурашки. Она продолжала сидеть, уткнувшись в газету, но в голове у нее пронеслись все недавно читанные истории о грабежах среди бела дня, когда бандиты врываются в дома, убивали хозяев и выносили добро из квартир.

Дома были только она и Джал. Нариман воспользовался перерывом в дожде и пошел прогуляться. В последние две недели лило как из ведра, и ему не хотелось упустить ясный вечер.

Еще один удар, такой сильный, что его расслышал Джал.

– Подойти? – спросил он.

– У окна постой – на случай если придется звать на помощь.

Куми на цыпочках подкралась к двери – посмотреть в глазок. Если что-то подозрительное, сразу отойдет, пусть думают, что в квартире никого нет.

За дверью кричали на хинди, требовали поскорей открыть. Один голос, потом другой:

– Дарвазакхоло! Откройте двери, джалди, быстро! Кой хэ, есть кто дома?

Она отступила, собралась с духом и шагнула вперед. Холодея от страха, что сейчас наяву столкнется с тем, что видела в кошмарных снах, она приникла к глазку. И в тот же миг поняла, что сбывается другой кошмар, связанный с отчимом.

Двое мужчин, на их руках бессильным мертвым грузом повис Нариман. Один подхватил его под колени, другой продел руки под мышки Наримана, сплетя пальцы на груди отчима. Тот, что держит за ноги, босой ногой колотит в дверь – вот откуда глухой стук.

Он еле удержал равновесие, когда Куми рывком распахнула дверь. Палка – подарок на день рождения – ручкой зацеплена за рубаху, натягивает застежку на груди.

– Джал! Скорее сюда, Джал!

Мужчины тяжело дышат, пот заливает им лица. От них воняет, думает Куми. Она узнала их, они из магазина субсидированных продуктов, мускулы в наем, относят на дом покупателям мешки с зерном. «Не очень-то сильные, – думает Куми, – если так замучились с тощим стариком».

– Чего ждете? – истерически вопит Джал. – Чало, вносите его, нет, нахин. Не на пол, сюда, диван, кеупар! Стойте, лучше в ту комнату, кладите на паланг, на кровать!

Джал ведет их в комнату Наримана.

– Только осторожно, тхик хэ, вот так хорошо.

Вчетвером сгрудились у кровати, смотрят на Наримана.

Он лежит с закрытыми глазами, трудно дышит.

– Что случилось?

– В кхадду свалился, в канаву, мы вытащили, – говорит тот, что с палкой, болтающейся на груди. Он так устал, что еле говорит. Утирает лицо подолом длинной рубахи.

– Трость. Джал, трость, – шепчет Куми.

Брат понимает ее тревогу – пот оставляет пятна на лаке – и отцепляет трость.

– Кхадду, канаву, телефонная компания выкопала, – говорит второй. – Старый сахиб ногу себе повредил.

– Лодыжку, – простонал Нариман, – боюсь, она сломана.

Общий вздох облегчения – он пришел в сознание. Услышав голос отчима, Куми вспоминает, что его следует отчитать:

– Мы каждый день предупреждали тебя об опасности, папа. Теперь ты доволен?

– Простите, – слабым голосом отзывается Нариман. – Я не нарочно.

– Эти люди ждут, – шепотом напоминает сестре Джал. – Им надо что-то дать.

Она спрашивает отчима – издалека ли грузчики несли его? Надо же рассчитать, сколько им положено, по расценкам магазина. Но Нариман в помраченном сознании, он не может точно сказать.

– Дай им приличный бакшиш, и пусть уходят, – настойчиво говорит Джал. – Они же не мешок пшеницы доставили, они папу спасли, из канавы вытащили.

Куми не согласна: она платит за работу – какая разница, папу они несли, или мешок риса, или мебель? Вес и расстояние – вот что имеет значение.

– Папа попал в беду, но это же не значит, что деньги на деревьях растут!

У нее есть идея лучше: эти двое гхати могли бы отнести папу через дорогу к доктору Фиттеру.

– Ты помнишь, как он помог нам с мамой? Он тогда все сделал – и свидетельство о смерти, и другие вещи – от и до. Я уверена, он нам и с папой поможет.

– У тебя все в голове смешалось, Куми. Это было тридцать с лишним лет назад. Доктор Фиттер уже старый человек, он давно оставил практику.

– Ну и что? Оставил практику, так у него вся медицина из головы вылетела? Пусть скажет нам, насколько это серьезно и нужно ли везти папу в больницу.

Долгие пререкания кончились на том, что Джал велел грузчикам ждать, пока он не наведет справки. Если доктор Фиттер согласится, так он может с тем же успехом осмотреть папу здесь, чтобы не мучить его перетаскиванием на руках через дорогу.

Доктор не узнал Джала и был явно недоволен тем, что его беспокоят в обеденное время. Однако, услышав имя Наримана Вакиля, сразу вспомнил давнишнюю историю и пригласил Джала войти.

– Как я могу забыть эту трагедию? – Доктор заколебался. – Такая беда для вас и ваших бедных маленьких сестреноч...

– У нас беда с папой, – прервал его Джал, – он повредил себе лодыжку.

И изложил обстоятельства происшествия.

– Я по вечерам из окна наблюдаю за прогулками вашего отца. Он страдает паркинсонизмом, не так ли?

Джал кивнул.

– Н-да, – проворчал доктор. – По походке можно определить.

Помолчал и, сердясь, спросил:

– А вы что, совсем не соображаете? Как можно отпускать человека в его возрасте, в его состоянии на улицу одного? Ясно же, что в любую минуту мог упасть и разбиться.

– Мы говорили папе, но он нас не слушал, уверял, что прогулки доставляют ему удовольствие.

– Почему никто из вас не мог гулять с ним? Вести его под руку, поддерживать его?

Доктор сверлил его укоряющим взглядом. Джал опустил глаза на домашние туфли старого врача.

– Хорошо, а теперь, когда беда уже случилась, что вы от меня хотите?

– Если бы вы согласились осмотреть папу, – робко попросил Джал, – нет ли перелома...

– Осмотреть? Вы за кого меня принимаете, за супермена? Я и в молодости не обладал рентгеновским зрением, а уж сейчас точно нет.

– Конечно, доктор, но если вы хотя бы...

– Хотя бы что? Чем тратить время попусту, немедленно везите его в больницу! Он же наверняка мучается! Идите!

Доктор указал на дверь. Джал выскочил вон, довольный, что ноги унес.

Доктор Фиттер запер дверь и с ворчанием пошел на кухню жаловаться миссис Фиттер на нынешнее поколение парсов, на этих бестолковых, дрожащих идиотов, живое доказательство вырождения народа.

– Когда вспоминаешь наших праотцов, промышленников и кораблестроителей, которые заложили основы современной Индии, филантропов, которые дали нам, парсам, больницы, и школы, и библиотеки, и парки, какую славу они принесли нашей общине и всей стране. А этот болван не может за отцом присмотреть! Не может принять простое решение и отвезти старика в больницу на рентген.

– Да-да, – нетерпеливо отозвалась миссис Фиттер, – скажи мне лучше, Шапурджи, тебе яйцо подать вместе с кимой или отдельно?

– Отдельно. Надо ли удивляться, что общине предрекают гибель? Демографические данные говорят о том, что через пятьдесят лет мы вообще перестанем существовать. Может быть, оно и к лучшему. Что толку от общины бесхребетных слабаков? Только по названию парсы.

Он расхаживал между кухней и столовой, продолжая кипеть негодованием, пока миссис Фиттер не сказала, чтоб он садился за стол. Она подала обед и щедро наполнила его тарелку. Аппетитно благоухающее рубленое мясо с пряностями, яйцо, поблескивающее круглым желтым глазом, сразу привели доктора в отличное расположение духа.

– Чему быть, того не миновать, – сказал он, принимаясь за еду. – А пока – ешь, пей и радуйся жизни. Потрясающе вкусная кима, Техми.

Отказ Фиттера прийти на помощь настолько возмутил Куми, что она даже не осознала серьезности ситуации, которой вполне проникся Джал.

– Почему ж он не пришел, если это настолько серьезно? Прежде чем в больницу мчаться, надо вызвать папиного доктора.

– Но Тарапоре тоже потребуется рентген. И потом нам придется платить и ему за визит, и за больницу.

Наконец решили ехать в «Парси Дженерал». Грузчики уложили Наримана, который снова впал в полузабытье, на заднее сиденье такси, Куми села с шофером. Нариман стонал от боли, когда машину встряхивало на дорожных выбоинах.

– Уже почти приехали, папа. – Куми перегнулась с переднего сиденья и взяла его за руку.

Нариман ухватился за ее пальцы, как перепуганный ребенок. Она чуть было не отдернула руку, но, подавив импульс, успокоительно ответила на его движение. В стекло заднего обзора было видно второе такси, в котором ехали Джал и грузчики.

* * *

Изучив рентгеновский снимок, доктор Тарапоре проконсультировался со специалистом, поскольку перелом осложнялся наличием остеопороза и болезнью Паркинсона. Об операции не могло быть и речи. Левую ногу Наримана загипсовали от бедра до пальцев.

Ассистент, накладывавший гипс, носил очки, и по мере его работы стекла все сильнее забрызгивались белым. Он болтал без умолку, стараясь отвлечь старика от боли.

– Как это с вами случилось, сэр?

– Оскользнулся и свалился в канаву.

– У вас, видимо, сложности с бифокальными очками?

– Очки винить нельзя. Канавка была не огорожена.

– Просто позор.

Ассистент – его звали Рангараджан – приостановил работу и проверил консистенцию гипса в лотке.

– Да, тротуары превратились в серьезную опасность. Буквально на каждом шагу замечаешь препятствия, угрожающие жизни и здоровью публики.

Нариману пришло в голову, что ассистент нашел бы общий язык с Джалом и Куми: он явно разделял их тротуарофобию.

Мистер Рангараджан хохотнул:

– При наших постоянных тренировках мы все можем претендовать на золотые медали в соревнованиях по бегу с препятствиями. Любой бомбеец. Или теперь полагается говорить – любой мумбайкар?

Понизив голос, он продолжил в менее шутливом ключе:

– Сейчас не знаешь, где встретишься с фанатиком из Шив Сены или блюстителем новых порядков и ревнителем новых имен. Я слышал, что люди из Шив Сены сумели проникнуть в почтовые учреждения и предают огню все письма и открытки, адресованные в Бомбей вместо придуманного ими Мумбая.

Он начал разглаживать гипс, местами смачивая его водой для постепенного отвердения.

– Вы позволите задать вам вопрос, профессор Вакиль?

Нариман кивнул. Он получал удовольствие от старомодных оборотов речи этого явно образованного южанина и радовался его словоохотливости.

Мистер Рангараджан хотел узнать, нет ли у профессора друзей или коллег за границей, которые могли бы помочь ему найти работу, поскольку он намерен эмигрировать. Он направил письма в целый ряд стран, в том числе в США, Канаду, Австралию, Англию и Новую Зеландию.

– Даже в Россию. Хотя после краха Советского Союза индийцев встречают там менее тепло, чем прежде. В былые времена между нашими странами существовала любовь – сколько новорожденных русских мальчиков получили имя Джавахарлал, скольких девочек назвали Индирами. Сомневаюсь, что нынче русские называют своих детей Нарасимха или Атал Бехари.

– Нынче они, вероятно, называют детей Пепси или Ренглер, – сказал Нариман.

Мистер Рангараджан засмеялся и вытер случайный шлепок гипса.

– Прошла эпоха, когда среди нас взрастали великие лидеры. У нас страшная засуха.

– Проблема всего мира, – ответил Нариман. – Посмотрите на Соединенные Штаты, Англию, Канаду – везде у власти никчемушники.

– «Никчемушники», – повторил мистер Рангараджан. – Замечательно, профессор Вакиль, я должен запомнить это словечко. Но, на мой взгляд, это всего трагичней для нас. Цивилизация, насчитывающая пять тысячелетий, народ численностью в девятьсот миллионов не может создать одного великого лидера? Как мы сейчас нуждаемся в Махатме – в Великой Душе.

– Но получаем микроминидушонки.

Мистер Рангараджан понимающе улыбнулся. Выскребая остатки гипса из лотка, он возвратился к начальной теме, от которой отвлекся.

– Я работал в кувейтской больнице. Но после войны в Персидском заливе всех выставили вон. Джордж Буш нанес удар по иракцам и прикончил наши рабочие места. Теперь главная моя цель – уехать туда, где у меня будет перспектива. Лучше всего в Соединенные Штаты.

«А как насчет перспективы для его души, – подумал Нариман, – улучшится она в чужой стране?»

К тому времени как мистер Рангараджан закончил гипсовать ногу, его фартук и руки по самые локти были белы, как у пекаря. Наримана увезли на каталке в мужскую палату.

Позже к нему снова зашел доктор.

– Как вы себя чувствуете, профессор Вакиль? – спросил он, нащупывая пульс.

– Запястье у меня в порядке. Проблема с лодыжкой.

Доктор Тарапоре улыбнулся, довольный: давно известная профессорская саркастичность не убывала, несмотря на страдания. Хороший признак. Доктор, которому недавно перевалило за сорок, был студентом Наримана Вакиля, задолго до того, как профессор стал его пациентом. Их свело принудительное кормление английским, курс которого сделали обязательным для студентов всех негуманитарных факультетов в первые два года обучения в колледже.

Однако вчерашняя встреча с профессором Вакилем на фоне голых больничных стен лишила Тарапоре покоя. И сегодня с самого утра его обуревали странные чувства – ностальгия,

грусть, сожаление о потерянном времени, об упущенных возможностях, – и он не мог понять причину этих человеческих реакций.

И еще – в уме преуспевающего врача неотвязно звучали строки из «Сказания о Старом Мореходе». Сам изумившись, запутавшийся медик начал читать стихи, которые когда-то Нариман заставлял учить своих студентов:

Вот Старый Мореход. Из тьмы Вонзил он в Гостя взгляд. «Кто ты? Чего тебе, старик? Твои глаза горят!»⁴

Нариман нахмурился. Он впервые заметил, что у Тарапоре довольно длинные волосы – врачи обычно так не стригутся, это была бы нормальная прическа, если бы он в рекламе работал...

Появился палатный бой с погромыхивающей тележкой, которую он покати́л между кроватями. Молоденький парнишка делал свое дело споро и динамично. Ставил вымытые утки под кровати с аккуратностью, свидетельствующей о желании навести порядок. Бой. Тех, что выполняют эту работу в женских палатах, называют нянечками. Айями. «Айя присматривает за детьми, – думал Нариман. – Собственно, так здесь и воспринимают стариков и больных».

Доктор Тарапоре сосчитал пульс, сделал пометку в истории болезни и продекламировал еще строку:

– «И держит цепкою рукой...»

– Извините, доктор. Зачем вы мне Кольриджа читаете? Я бы куда охотней выслушал ваш прогноз по поводу моего перелома.

Доктор Тарапоре смутился, как школьник:

– Сам не знаю, сэр, почему мне вспомнились ваши лекции в колледже. Мне очень нравились ваши лекции, я до сих пор помню «Старого Морехода» и «Кристабель». И все рассказы Э. М. Форстера из «Небесного омнибуса», которые мы учили.

– Не морочьте мне голову. У меня болезнь Паркинсона, а не Альцгеймера, я тоже помню эти лекции: аудитория, в которую набились две с лишним сотни негуманитарных буянов, они шумят и свистят, стараются своими инфантильными выходками произвести впечатление на десяток девушек, затесавшихся среди парней.

Доктор покраснел:

– Это университетское начальство виновато: оценки по английскому не засчитывались в средний балл, только посещаемость. Поэтому ребятам было все равно. Но даю вам честное слово, сэр, я в этом хулиганстве не участвовал.

Нариман поднял бровь, и экс-студент исправился:

– Ну, может, свистнул разок или два. Без всякого энтузиазма.

Доктор почувствовал, что разболтался не в меру. Он взялся за фонендоскоп, потом измерил Нариману давление и сделал еще какие-то записи в истории болезни. Но на самом деле ему хотелось, чтобы старый профессор поговорил с ним о жизни.

Он сделал новый заход.

– Сэр, «Старый Мореход» напомнил мне о лучших годах моей жизни, о студенческих годах, – он замялся, – о молодости.

И сразу пожалел о сказанном.

«Чувствительная у доктора совесть, – подумал Нариман. – Четверть века прошло, а он все винит себя за безобразия аудитории. Или это просто его методика общения с больными?»

Ну что ж. Нариман счел за благо отказаться от сарказма.

– В каком году вы посещали мои лекции?

– На первом курсе, в шестьдесят девятом.

– Следовательно, вам сейчас лет сорок.

⁴ Перевод В. Левина.

Доктор кивнул.

– И вы осмеливаетесь говорить о молодости, как будто она уже прошла?

– На самом деле, сэр, я чувствую себя старым, когда я...

– Ха. А как, по-вашему, я чувствую себя, когда мои бывшие студенты говорят со мной о своей молодости? «Пусть Прошлое хоронит своих мертвецов», – процитировал Нариман, закрывая тему.

– «Действуй – действуй в живом Настоящем», – продолжил доктор Тарапоре, ожидая комплимента за опознанную цитату.

– Превосходно. Так давайте следовать совету Лонгфелло. Скажите, когда вы возвратите мне мою лодыжку?

Студент вернулся к действительности.

Доктор Тарапоре, возвращенный к постели пациента, постучал по твердому белому панцирю и изрек:

– Гипс прочный.

Нариман усмотрел в этом некую фриivolность.

– Конечно, прочный – цемента здесь хватило бы на ремонт моей квартиры. Ваш гипсовальщик увлекся.

Доктор Тарапоре засмеялся:

– Предплюсна – одна из самых коварных групп костей. Особенно в вашем возрасте. Мы должны обеспечить ей достаточную поддержку, защитить плюсну и зафиксировать ногу в неподвижном состоянии. А ваш паркинсонизм требует от нас особой осторожности. Через четыре недели сделаем еще один снимок, но выписать вас можно уже завтра.

Он пожал Нариману руку и вышел в коридор к Джалу и Куми, ожидавшим его наставлений по уходу за больным.

В последние два дня Джал практически не покидал больницу. И Куми находилась при отчине с утра до ночи. Нариман был тронут, он уговаривал их пойти домой отдохнуть, поскольку их присутствие в больнице ничего не меняло.

– Ничего, папа, мы составим тебе компанию.

– Известили вы Роксану и Йезада? – спросил он.

– Мы решили пока не тревожить их, – ответила Куми.

Чтобы повеселить Наримана, брат с сестрой стали описывать ему визит Эдуля Мунши, тот краем уха услышал, что в доме произошел несчастный случай. Единственное, что он разобрал, были слова «Нариман Вакиль» и «сломал». Ему больше ничего не требовалось – он явился со своими инструментами и спросил, что нужно починить.

Нариман фыркнул.

– Постой, папа, послушай, что Куми ему ответила!

– Я говорю, конечно, Эдуль, мы будем очень благодарны за починку. Но дело в том, что придется ехать в «Парси Дженерал». Он изумился: «Почему в “Парси Дженерал”»? Я говорю, потому что папа в больнице. «Ну и что?» – говорит он. Я отвечаю, починять надо папину лодыжку!

– Видел бы ты его лицо, папа! – смеялся Джал.

– Я понятия не имел, что он такой отчаянный человек, – усмехнулся Нариман.

Принесли обед. Они помогли установить поднос на ножках. Поделили между собой пудинг с кремом, потому что Нариман отказался от сладкого, а к чему пропадать хорошей еде?... Вынесли поднос с посудой за дверь, чтобы его забрали, и пожелали Нариману спокойной ночи.

Нариман был не против побыть в одиночестве. Палатный бой, который заступил в ночную смену, был немолод, значительно старше динамичного парнишки, что работал днем. «Ему, должно быть, за пятьдесят, никак не меньше, – прикинул Нариман. – Интересно, отчего у него

руки дрожат, тоже от паркинсонизма или от чего-то другого?» Несовершенство рук искупалось совершенством его улыбки. «Улыбка просветления», – думал Нариман, так похожая на вольтеровскую в старости, на том портрете, который украшает фронтиспис его экземпляра «Кандида».

«Как обретает человек такую просветленность, – размышлял он, – здесь, в мрачной палате, вынося судна и утки хромым, обездвиженным и больных? Или все это как раз и есть необходимое условие? Условие для понимания, что, стар или молод человек, богат или беден – всяк смраден с другого конца?»

Нариману хотелось заговорить с ним, но никак не мог решиться. Пожилой бой сам спросил, как он себя чувствует, не нужно ли чего, может, подушку поправить...

И улыбнулся – и Нариману показалось, что у них состоялся долгий и сердечный разговор.

На другой день в палату зашел мистер Рангараджан взглянуть на свою работу. В целом он остался доволен, но в двух местах ему хотелось добавить гипса.

– Лучше перестраховаться, чем потом раскаиваться.

Обеспокоенный изнуренным видом Наримана, он попытался развлечь больного рассказами из практики.

– Вы находитесь в первоклассной клинике, профессор Вакиль, можно сказать, в пятизвездочном отеле по сравнению с другими больницами. Когда я вернулся на родину после неожиданного отъезда из Кувейта, я нашел себе работу в государственной больнице в Индоре. Жуткое было место. Полно крыс – и никого это не волнует!

– Видимо, это было до вспышки чумы в Индоре?

– Совершенно верно. В мою бытность там произошло два страшных случая. Одному больному крысы отгрызли пальцы ног. И еще крысы загрызли новорожденного. Не до смерти загрызли, но младенец погиб.

Нариман затряс головой.

– Но крысы были не единственной проблемой, – продолжал Рангараджан. – Там лежал больной с полностью загипсованной ногой – даже больше, чем у вас. Он все жаловался на жжение под гипсом, которое просто с ума его сводило. Сутками кричал как безумный, звал на помощь. Но доктора считали, что он просто капризничает. И чем кончилось? Больной не выдержал и выбросился из окна. Когда с трупа сняли гипс, под ним обнаружили просто мясо, кишевшее клопами.

Наримана передернуло. Он был по-настоящему счастлив, когда Рангараджан закончил работу и стал собирать инструменты.

Доктор Тарапоре зашел к Нариману накануне выписки. Стихов он больше не читал, зато еще раз переговорил с Джалом и Куми, подробно растолковав им все «да» и «нет» ухода за больным.

– Следите за тем, чтобы мой дорогой профессор не давал никакой нагрузки своей лодыжке – ни унции веса, полный покой в течение четырех недель.

– Мы проследим, доктор, – заверила его Куми. – Папа теперь будет вести себя хорошо. Он уже получил урок, правда, папа?

Нариман не удостоил ее ответом. Доктор Тарапоре улыбнулся и сказал, что молчание – знак согласия.

Вечером динамичный палатный бой попросил дать отзыв о его работе. Он предупредил, что нарушает больничные правила, поэтому, пожалуйста, все должно храниться в тайне.

Нариман написал на больничном бланке, добытом расторопным боем, что мистер Ядав – старательный работник, он проявляет заботу о пациентах и добросовестно выполняет свои обязанности; что ему было приятно познакомиться с таким человеком и он желает мистеру Ядаву успеха в его дальнейшей деятельности.

Он изучил написанную страницу, отметив вихляющийся почерк. Буквы от начала к концу уменьшались, он не мог контролировать их размер. Что-то новенькое – надо полагать, очередной симптом паркинсонизма.

Бой пришел в восторг, не прочитав ни слова. Он взял дрожащую руку благодетеля в свои и долго не выпускал ее.

Утром перед выпиской к Нариману заглянул пожелать удачи мистер Рангараджан. Но пожилой бой с ночной смены больше не показывался, и Нариман пожалел, что не узнал его имя. Ничего, он будет его помнить как инкарнацию Вольтера.

Потом пришло время отправляться домой. Джал сел с ним в машину «Скорой помощи». Машина остановилась у перекрестка недалеко от больничных ворот, пропуская колонну демонстрантов.

– Что за партия? – поинтересовался Нариман.

– Бог его знает. Отсюда не прочтешь лозунги. БДП, Народная партия, коммунисты, социалисты – все одно и то же. Ты хорошо спал ночью?

Нариман ответил неопределенным движением руки. Дождались конца колонны и поехали дальше.

Нариман ожидал увидеть распахнутую дверь и Куми с подносом – цветы, киноварь и очищенный кокос. Но Джал отпер дверь своим ключом. Санитары внесли Наримана на носилках. Никакого ритуального подноса, никто не собирается совершать приветственный обряд.

– Куми нет дома?

– Она в храме огня. Молится за маму.

Конечно. Годовщина ее смерти. А он забыл.

– На обратном пути она должна купить для тебя судно, тазик и все остальное.

Нариман снисходительно относился к традициям парсов, связанным с днями рождения, навджоте, свадьбами, проводами в последний путь. Он никогда не придавал большого значения обрядам. Но отсутствие серебряного подноса болезненно задело его.

– Когда она вернется?

– Уже скоро. Тебе не нужно пока в клозет, да? Отдохни, а я поставлю тебе музыку.

С удовольствием лежа в собственной постели, Нариман подремывал под звуки шубертовского квинтета, пока его не разбудили приглушенные голоса.

– Стульчак? – спрашивал Джал.

Таксист со стуком поставил тяжелую ношу в передней. Куми упростила его поднять ящик в лифте, но таксист был обозлен скудными чаевыми.

– Если б я хотел работать грузчиком-кули, я за рулем бы не сидел! – громко ворчал он, уходя.

– Спасибо, добрый человек, большое, большое спасибо, – говорила Куми, притворяясь, будто не слышит, и запирая за ним дверь. – Как папа?

– Спит. Но ты же должна была судно купить...

Она распаковала эмалированный тазик и поставила его рядом с деревянным ящиком на четырех коротких ножках.

– Я подумала, что стульчак лучше, чем судно.

– Как это – лучше? Доктор ясно сказал: месяц в постели. Нога не должна касаться пола.

– Слушай. Я пришла в магазин, стала выбирать судно и представила себе... ну, процедуру. Как это будет происходить – подложить судно папе, достать его, когда папа сделает свои дела, подмыть папу, вынести и вымыть судно... не заставляй меня описывать. Сам знаешь. До того неловко, неприлично.

И она решила, что стульчак будет пристойней. Папа будет садиться на стульчак прямо у кровати, ему будет легче оправляться.

– А нам останется только опорожнить горшок.

– Но доктор сказал, что, если мы не будем осторожны, так кости будут месяцами срастаться!

– Папе же не придется добираться до клозета, об этом и речи нет! Испробуем стульчак, посмотрим, как у папы получится.

Вдвоем они внесли стульчак в комнату отчима; он притворился, будто проснулся при их появлении.

– О, Куми, ты вернулась. Что это – новый ночной столик для меня?

– Нет, папа, – засмеялась Куми, – это стульчак, смотри, какой славный.

Куми подняла крышку.

– Мы подумали, стульчак будет удобней судна, – сказал Джал, – как тебе кажется?

– Мне удобней то, что удобней вам. Я и так обременяю вас.

– Мы справимся, папа, не волнуйся. Всего-то четыре недели.

И Джал придвинул стульчак к кровати.

– Хочешь сходить?

Нариман кивнул. Они подхватили его под мышки и усадили в постели. Дальше – самое сложное: помочь ему встать и сделать четверть оборота к стульчаку. Напомнив, чтобы он перенес вес на правую ногу, а левую держал на весу, они подняли его.

Поднимать вертикально почти мертвый груз оказалось труднее, чем они думали. И как только Нариман оказался в стоячем положении, сломанная лодыжка опустилась на пол.

– Ногу не ставь на пол! – вскрикнул Джал.

– Не могу, гипс тяжелый.

Нариман еле сдержал стон, когда они понесли – потащили его. Они поняли, что ему больно: он резко втянул воздух и напрягся всем телом.

– Стоп! – вскрикнула Куми, когда он уже почти сидел. – Пижама!

Собрав все силы, Джал придержал его одной рукой, другой дернул за шнурок пижамных штанов. Ткань прилипла к телу, и Джалу пришлось упереться в отчима бедром, пока штаны не свалились к щиколоткам.

Усадив Наримана на стульчак, оба изнеможенно отступили. Глаза Наримана закрылись, на лбу выступил пот.

– Как ты, папа?

Он кивнул. Алюминиевый горшок зазвенел под струей, и они обменялись взглядами торжества и облегчения.

– Не спеши, папа, – сказал Джал. – Ты только не спеши. Сделай все, что надо. Номер один. Номер два. Все.

Нариман чувствовал тяжесть в кишечнике, но, обессиленный болью, не мог натужиться.

– Все, – прошептал он.

Куми опустилась на колени и сдернула с него штаны. Чтобы уложить Наримана в постель, пришлось повторить процедуру в обратном порядке и с тем же трудом. Оба тяжело дышали, изо всех сил стараясь удерживать равновесие, но под конец чуть не свалились на кровать вместе с ним.

– Ну вот, все в порядке. – Джал распрямил спину. – Что нам нужно, так это разработать систему, метод, чтобы все шло гладко.

– Да, – прошептал Нариман, – нужно.

Отводя глаза, Куми расправила простыню под ягодицами отчима, накрыла его.

– Самая большая ошибка – надо было сначала снять штаны. Придется тебе, папа, месяц побыть нудистом, ладно?

Он едва слышал ее из-за боли. Куми с Джалом натужно посмеялись, желая приободрить его, Куми опустила крышку сиденья и потянула Джала из комнаты.

– А горшок? – спросил он.

– Попозже, он всего на четверть наполнился.

Когда дверь плотно закрылась за ними, Куми призналась, что шутки шутками, но ей неловко видеть Наримана голым.

– Почему? Он же старый человек, Куми.

– Не в этом дело. Мне было уже одиннадцать, когда он стал нашим отчимом. Другое дело, если бы я выросла с ним. С настоящим отцом. А так я чувствую, что смотрю на чужого голого мужчину.

– Не вижу разницы. – Джал сразу заподозрил, что Куми собирается свалить эти обязанности на него. – Ты видишь то, что видела бы у нашего отца.

Куми объявила, что разговор с ним бесполезен, Джал – мужчина и никогда не поймет ее чувств.

После таблетки боль перестала пульсировать в ноге. Нариман попытался заснуть, но что-то мешало. Не гипс, что-то другое, неуловимое, не поддающееся осознанию.

Он подвигал плечами, подвинул подушку, расправил ворот пижамной куртки. Встряхнул верхнюю простыню, чтобы она ровнее накрывала его. Холодок, пробежавший по обнаженным бедрам, и прикосновение простыни к ним открыли ему причину беспокойства – на нем не было штанов.

Только теперь он вспомнил, как Куми стаскивала с него штаны, когда его усаживали на стульчак. Странно лежать в постели в одной пижамной куртке. Непривычно – будто верхний слой кожи пропал.

Он хотел позвать, попросить штаны. Но Куми разозлится. И на самом деле будет легче, если он будет лежать без штанов.

«Что мать, что дочь», – подумал он, вспоминая, как Ясмин отобрала у него пижаму. И пижаму, и многое другое.

Он переходил из комнаты в комнату, от шкафа к шкафу в поисках хоть какой-нибудь одежды. Ничего. Ясмин ничего не упустила из виду, все спрятала, пока он мылся в ванной; только полотенце вокруг бедер, а Ясмин остается глуха ко всем его просьбам.

– Поди сюда, Куми, и ты тоже, Джал! Куда мама спрятала мою одежду? – пытался он дознаться у детей, пока Ясмин на кухне стерилизовала бутылочку для Роксаны.

– Не знаю, – твердил Джал, а Куми приложила палец к губам, показывая свое отношение к расспросам отчима, а также предупреждая брата, чтобы тот держал язык за зубами.

«Ловкий ход сделала Ясмин», – думал он без обиды. Какое право имел он обижаться? Это он вел себя неразумно; она была образцом терпеливости и чуткости, вечер за вечером вынося этот фарс. Потому что это должно было выглядеть фарсом в ее глазах и в глазах соседей по дому: вид Люси, стоящей на тротуаре, задрав голову и вперив взгляд в окно, за которым стоял он. А потом, когда угрызения совести гнали его вниз, еще наблюдать их вместе, без сомнения, производивших впечатление парочки, изнывающей от любви.

«Несчастливая Ясмин», – думал он, рыская по квартире в поисках рубашки, трусов, хоть чего-то из одежды. И несчастная Люси с ее ежевечерними дежурствами в сумерках – чего ради?

Воспоминания возвратили его к тому времени, когда они расстались на Брич-Кенди. К тем четырем месяцам, пока он не женился на Ясмин и пока Люси не начала его разыскивать. Он был поглощен приготовлениями к свадьбе, ко все приближающейся жизни с новой семьей. Суэта и толкотня в родительском доме, воскресные сборища, где его одолевали советами и подсказками, – все это помогало выбросить из головы мысли о Люси. Уже потом он сообразил, что Люси ничто не могло отвлечь от мыслей о нем – она потеряла почву под ногами. И уже после свадебных празднеств он узнал от общих знакомых, как плохи у Люси дела: она забросила диссертацию, она сидит без работы, а живет по-прежнему в общежитии Ассоциации

молодых христианок. Он расстроился, потому что надеялся, что Люси помирилась с родителями и вернулась в дом.

Месяца через три после женитьбы, выйдя из колледжа, он натолкнулся на Люси. Чисто случайно, думал он тогда.

Сначала в их разговоре ощущалась неловкость.

– Ну как ты?

– Все хорошо. Спасибо.

Потом Люси спросила:

– Хорошая была свадьба?

Он пробормотал, что, в общем, да, спасибо, и она задала следующий вопрос:

– И как семейная жизнь? Теперь ты удовлетворен?

Тут он слегка встревожился, ему хотелось успокоить ее, заверить, что у нее тоже все будет хорошо. Вместо этого он отшутился и поспешил уйти, чтобы не поддаться смятению.

С того дня Люси начала по-настоящему преследовать его. Ее невозможно было отговорить. Она звонила ему на работу и домой, она писала ему письма, иногда даже поджидала его у ворот колледжа. Он сказал ей, что все это не имеет смысла, поскольку они давно решили, что лучше положить конец их отношениям.

– Ты так решил, – возразила Люси. – Я считала это ошибкой. И сейчас так считаю. Я знаю, что ты меня любишь. Признайся. Я знаю, что между нами сохранилось то, что еще можно восстановить.

– Пожалуйста, Люси, не будем наивны. Мы достаточно долго были наивными. Думали, что можем изменить родителей, что можем мир переделать. Ты говоришь вещи совершенно...

– О Нари, ты и сейчас не решаешься быть честным перед собой. – В голосе Люси звучала мольба.

– Прошу тебя. У меня сил больше нет возвращаться ко всему этому. И, Люси, пожалуйста, ради тебя самой и ради меня, перестань ходить за мной по пятам.

Он старался убедить ее, что желает ей только счастья. Но теперь на нем лежит ответственность, у него есть жена, двое детей. Что было раньше, тому уже не повториться.

Она смотрела на него, не отводя глаз, не двигаясь. И на миг он увидел перед собой ту женщину, которую знал прежде, женщину с живыми глазами. Он коснулся ее руки, повернулся и пошел домой.

Но сказанное ею запало в душу. Он снова запутался в своих чувствах. Снова всплывали на поверхность сомнения по поводу решения на Брич-Кенди, глубоко зарытые под слоями разумных доводов. Может ли быть, что она права... Единственный выход – держаться от нее подальше.

Теперь, завидев Люси у ворот колледжа, он обходил здание и выскальзывал через заднюю калитку. Но к облегчению от того, что сумел избежать встречи с ней, неизменно примешивалось чувство тяжелой утраты.

А с какой чуткостью поддерживала его Ясмин в течение тех двухлетних преследований, как она советовала проявлять твердость, но без жесткости по отношению к бедной женщине, которой пришлось столько пережить. Ясмин даже репетировала с ним, что он должен сказать Люси при встрече: рассудительные слова, исполненные здравого смысла и строгости. Только он ни разу не произнес их: при виде Люси он сразу вспоминал, сколько боли уже причинил ей.

Потом начались вечерние приходы Люси. Поначалу Ясмин не видела в них ничего угрожающего, даже готова была мириться с неловкостью ситуации – ответ был прост.

– Не замечай ее, – говорила Ясмин. – На тротуаре полно народу – и она тоже там. Устанет ждать и пойдет домой.

Но Люси на тротуаре воскрешала прошлое с силой, которая ему всю душу переворачивала. Вцепившись обеими руками в оконную решетку, он ждал, а Ясмин спрашивала: тебе нехорошо? Что-то случилось?

– Нет, ничего, – бормотал он в ответ, не в силах объяснить, что вид Люси, неподвижно стоящей на тротуаре, запрокинув голову к его окну, высвобождает в нем поток воспоминаний о первых днях их любви. А это страшит его больше всего.

Сначала родители Люси запретили ей встречаться с ним. Потом братья Люси предупредили, что переломают все кости этому ее воздыхателю, если увидят их вместе. Вот тогда Люси и пригрозила семье, что убьет себя, если с Нариманом что-нибудь случится.

«Неужели она действительно могла бы покончить с собой?» – думал он. Но родители серьезно отнеслись к угрозе. Вскоре после этого ее практически заперли в доме.

И он помнит, как часами простаивал на улице, глядя на ее окно. Братья выходили к нему, метали в него злобные взгляды, сквозь зубы осыпая его бранью. Он помнит, какое это было счастье – видеть лицо Люси. Весь тот сезон дождей держала она свое окно открытым, даже когда бешеный ливень хлестал прямо в него. И он не уходил, не искал укрытия от дождя, промокший до нитки, держал раскрытый зонт под углом, чтобы он не мешал им видеть друг друга.

Теперь каждое появление Люси напоминало ему, как необорима была его потребность видеть ее тогда, и он не мог сопротивляться ее взгляду более нескольких минут. Понимая всю непозволительность того, что делает, он спустился к ней.

Его реакция приводила Ясмин в недоумение. Она настойчиво повторяла, что, потакая потерявшей рассудок женщине, он только вредит ей. Долготерпение Ясмин терзало его, и их разговоры на эту тему приобретали неприятный привкус.

«Странно, – говорила она, – что профессор английского не в состоянии просто и ясно сформулировать свою мысль – или, может быть, ему нравится каждый вечер обмениваться томными взглядами с несчастной женщиной?»

В то утро, когда исчезла его одежда, негодование понемногу уступило место чувству облегчения. Своим поступком жена показала ему всю абсурдность сложившейся ситуации; и дала ему время обдумать происходящее.

Он позвонил в колледж, сообщил, что нездоров, и отменил лекции. Дождавшись полудня, еще раз попросил жену дать ему одеться.

– Нет, – ответила Ясмин. – Получишь свою одежду к ужину.

– Ты что, хочешь, чтобы я обедал нагишом?

– Мне все равно.

За стол он сел, обмотанный влажным полотенцем, и молча съел омлет. Больше он к жене не обращался и остаток дня провел в постели с книгой.

В половине седьмого появилась Люси. Он подошел к окну, и они встретились взглядами. Постояв, он отошел в сторону и взялся за книгу. Через минуту захлопнул книгу и пошел к Ясмин.

– Я все понял, – заверил он жену, – обещаю, сегодня – последний раз. Я ей скажу, что больше не спущусь, даже если она сутки простоит под окнами.

Ясмин ответила, что насчет последнего раза она уже слышала, поэтому и решила действовать сама. И делает она это ради блага их всех.

В семь он, не одетый, двинулся к двери. Открыл, сделал шаг на площадку. Дети наблюдали за ним с недоверчивым удивлением. Он видел, как Куми хихикнула и зашептала брату на ухо.

– Шагай, если хватит пороку, – чуть улыбнулась Ясмин. – Одежду я тебе не дам.

– Раз тебе так хочется...

Он начал спускаться по ступенькам. Ясмин побежала за ним.

– Ты что, окончательно спятил? Я знаю, до меня тебе дела нет, но что люди скажут? О детях ты подумал? О маленькой?

Он сосредоточенно спускался по лестнице. Вышел на улицу. Перешел через дорогу. Остановился рядом с Люси. Не здороваясь, сказал, что это их последняя встреча. Он не намерен помогать ей губить свою жизнь. Отныне он будет держаться подальше от нее. Но, произнося слова о необходимости самоуважения и достоинства, он понимал, что говорит банальности, которые не убеждают ни ее, ни его.

Люси подождала окончания речи и сказала:

– Мне нравится твой наряд, Нариман.

Он невольно улыбнулся.

Ее глаза заискрились, и она сделала движение, будто собираясь сорвать полотенце. Он отскочил.

Люси посмеялась его испугу и протянула ему руку. Он взял ее. Она крепко сжала его ладонь в своей.

Она безобразно ведет себя, продолжал он, хватит слоняться под его окнами. Да, своим стоянием под окном она напомнила ему о прошлом, но это не может тянуться бесконечно, это абсурд. Он повторил, что это последний раз, больше он не спустится к ней. На сей раз это будет так.

Люси слушала в молчании, лаская его руку.

Он замолчал. Осторожно высвободил руку.

– Прощай, Люси. Счастья тебе.

Он пошел обратно. Из окон первого этажа дети кричали ему:

– Эй, наряд-пановала! Почему наряд-пани, почему кокосовое молоко?

Он кивнул в ответ на их дразнилку – его полотенце и впрямь было похоже на короткое лунги, которое обматывали вокруг бедер продавцы кокосового молока на пляже. Дома Ямин бросила ему ключи от шкафа.

– Прости меня, – сказал он. – У меня не было выбора. Но теперь – все.

– Да, – тихо ответила она, – теперь все.

Джал и Куми, сидевшие рядом с матерью, злобно таращились на него.

В тот день они четыре раза усаживали его на стульчак и вымотались вконец. К вечеру Нариман погрузился в беспокойный сон, а они, радуясь передышке, уселись на балконе. Зажглись уличные огни. Джал сказал, что уже не молод и такие нагрузки ему не по силам.

– Моя грыжа и аппендикс и бог знает что еще есть внизу этого просто не выдержат.

– А как насчет меня? У меня всю спину разломило.

– Думаю, это большая ошибка с твоей стороны.

– Что?

– Стульчак. С судном было бы намного легче.

– Глупости. Мы одно неправильно сделали. Не надо было оставлять мочу в горшке.

За день комната Наримана пропахла мочой. После четвертого раза Куми, зажимая нос, отнесла горшок в клозет, опорожнила его, ополоснула водой и поставила в стульчак.

На балконе они не засиделись. Подошло время ужина. Они подложили еще одну подушку Нариману под спину, чтобы он мог сесть в постели.

– Слишком высоко, – пожаловался он, и Джал убрал подушку.

Нариман не решился сказать, что теперь слишком низко. Он почти ничего не съел – хотелось поскорее снова лечь.

– Тебе не нравится?

– Очень вкусно, спасибо.

Куми поставила тазик на грудь Наримана, Джал стоял наготове с водой и мылом. Нариман пополоскал рот и горло, высморкался. По воде поплыли сгустки слизи; Куми отвернулась, придерживая рукой тазик. Мелкие брызги попали ей на пальцы.

– Господи! – отпрянула она.

Джал отложил мыло, поставил кувшин с водой и взялся за тазик. Куми побежала мыть руки.

«Сопли цвета морской воды. Сопли, забивающие нос», – подумал Нариман.

– Ты что-то сказал? – спросил Джал.

– Ничего.

«Точнее, нефритового цвета», – думал Нариман.

Готовясь лечь спать, Джал поставил на ночной столик Наримана медную сковородку и положил рядом ложку.

– Если что-нибудь понадобится, постучи. Мы проснемся.

Джал стукнул ложкой о сковороду для демонстрации, и Куми зажала уши.

– Хуже молотка Эдуля Мунши, – сказала она. – Весь дом сбежится к твоей кровати.

Слабая попытка развеселить Наримана провалилась, как и все предыдущие. Зато – как по сигналу – в нижней квартире застучал молоток.

– Ни стыда ни совести! – взвилась Куми. – Больному человеку не даст отдохнуть!

– Я забыл про зубы, – сказал Нариман, вытаскивая языком вставную челюсть.

Куми принесла из ванной стакан с водой и поднесла к его рту.

– Ты не сменила воду. – Он втянул челюсть.

– Завтра сменю. Никаких сил нет.

Он опустил протез в нечистую воду. Зубы с легким всплеском опустились на дно, безмолвно ухмыляясь.

Стук ложки о сковородку трижды поднимал их с постели ночью. Последний гонг позвал их, когда Нариману понадобилось освободить кишечник, чего они добивались от него весь день. Они усадили отчима на стульчак, и комната наполнилась вонью.

Джал открыл окно и включил потолочный вентилятор на «максимум». С комода в угол полетели рецепты и бумаги. Нариман вздрогнул от неожиданного сквозняка.

Они не подумали о том, как ему привести себя в порядок. Поставили ведро с водой и кружку рядом со стульчаком в надежде, что он, как всегда, подмоется левой рукой.

Однако нормальная процедура подмывания оказалась непосильной. Скованный тяжелым гипсом и обессиленный, он не мог проделать ее, сидя на стульчаке.

– Ну хоть попробуй, – уговаривали они. Джал пожалел, что не догадались купить туалетную бумагу: папе было бы легче.

– Есть туалетная бумага, – вспомнила Куми, – я купила несколько рулонов в прошлом году, когда были перебои с водой. На счастье, нам не пришлось пользоваться бумагой.

Она побежала доставать бумагу из стенного шкафа в конце коридора.

Взяв туалетную бумагу, Нариман предпринял отважную попытку подтереться. Попытался повернуться на одной ягодице и чуть не свалился со стульчака.

– Нет, не получится, – выдохнул испугавшийся Джал.

Подхватив отчима под мышки, он приподнял его над сиденьем.

– Быстрее, мне его долго не удержать!

Сдерживая рвотный позыв, Куми несколько раз мазнула бумагой.

– Готово.

Они начали укладывать его в постель. Нариман сжал зубы, у него опять потемнело в глазах от боли. Они видели слезы, когда желали ему спокойной ночи.

– Горшок, – напомнил Джал сестре.

– Твоя очередь. В прошлый раз я вылила его.

– В тот раз был номер один. Это не в счет. И стульчак – это твоя идея.

– И что? Если бы дерьмо было в судне, ты бы с радостью вынес его?

Схватив горшок, Джал понесся в клозет. Куми проследовала за ним туда и обратно, жалуясь, что всего один день, а она уже больше не может, и чем ссориться, надо выход искать.

– Завтра поищем, – раздраженно бросил Джал, ставя горшок на место. – Три часа ночи. Я просто мертвый.

– Ты не один поднимал его. Я в таком же состоянии.

Они не старались понизить голос. Вентилятор бешено крутился на максимальной скорости, заставляя трепыхаться простыню, свисающую по одну сторону кровати.

– Прежде чем вы уйдете...

– Что?

– ... вы не могли бы переключить вентилятор?

Джал повернул регулятор на «минимум», и простыня успокоенно колыхнулась.

Глава 4

В семь утра звонок вторгся в сон Куми, и она обиженно рассталась с прелестным сновидением. Она танцевала в бальной зале отеля «Тадж», оркестр исполнял любимые старые мелодии: «Унеси меня на луну», «Чай для двоих» в латиноамериканском ритме, «Зеленая, зеленая трава родного дома». Скользя фокстротом в опытных руках партнера, она подняла глаза и увидела люстры, хрусталь, сверкающий, как драгоценные камни. Она обоняла запахи пирожных, сэндвичей и кофе – в холле перед бальной залой уже накрывали столы. Но она так и не увидела лица своего партнера, только чувствовала на спине его умелую руку, которая вела ее в танце, не давая сбиться.

От звонка она застонала и повернулась на бок, отыскивая на простыне местечко попрохладней. Подождала, надеясь, что дверь откроет Джал. Но в квартире стояла тишина. Ее разорвал новый звонок.

Она резко встала с кровати под балдахин – сердце сильно стучало – и выпустила прислугу, которая приходила на три часа в день.

– Начни с моей комнаты, Пхула, – распорядилась она. – У меня голова болит, я еще посплю.

Пхула оставила сандалии у двери и босиком бесшумно двинулась в глубь затемненной квартиры. Ее присутствие не ощущалось и не замечалось. Оно повсюду бросалось в глаза, только когда она не приходила по болезни: в этих случаях Пхула давала о себе знать невымытыми чашками и блюдами, пылью на мебели и скомканными простынями на неубранных кроватях.

Куми улеглась. Пхула, сутулая и морщинистая, на вид старше своих пятидесяти трех, пришла из кухни с коротенькой метелкой. Она передвигалась быстрыми мелкими шажками, колени полусогнуты, подол ядовито-зеленого сари высоко подоткнут.

Пхула присела на корточки, и Куми услышала неровное перешептывание метелки с полом. Куми приоткрыла глаза. На миг ей почудилось, будто ее сон продолжается, но все изменилось, партнер по танцу превратился в зеленую тварь наподобие лягушки, которая движется по полу, скользя и покачиваясь.

Метелка зазвучала громче, она шуршала с присвистом, особенно под кроватью, где выказывала особенное прилежание; Пхула даже пару раз головой стукнулась о край кровати. Куми понимала, что все старания предназначены для нее. Она была рада, когда Пхула перестала мести у нее и перешла в комнату Джала. Куми знала, что Джал не проснется, его храпывание слышалось даже в ее комнате, он так и будет храпеть, пока Пхула убирает.

Куми возвратилась в мыслях к прерванному сну и к тем неясным чувствам, которые он вызвал. Ей вспомнились уроки танцев, на которые они с Джалом ходили в юности. За уроки платил папа... Он неизменно проявлял щедрость – как бы ни складывались отношения с мамой и Люси, детям папа ни в чем не отказывал. Иногда они брали с собой маленькую Рокси, ей нравилось сидеть в уголке и смотреть, как Куми и Джал учатся танцевать...

– Баи, – позвала с порога Пхула.

– Что такое, что? – Куми резко повернулась, кровать сочувственно скрипнула. – Я же сказала – закончишь работу, можешь идти!

– Работа не закончена, баи. Ее нельзя закончить.

Куми сбросила простыню и села, чтобы видеть прислугу, которая сошла с ума.

– Я не понимаю, что ты говоришь.

– Пойдемте, баи, сами увидите.

Из комнаты так и ударило зловонием, когда они открыли дверь. Нариман закрыл глаза, притворяясь спящим.

– Откуда такой запах? – прошептала Куми, обращая вопрос больше к себе, чем к Пхуле. – Джал ночью вынес горшок.

Неужели ее брат-лентяй по неряшливости оставил что-то смрадное за стульчаком? Зажав нос, она подняла крышку – горшок вымыт до сияния.

Нариман решил открыть глаза и все рассказать начистоту. И невольно улыбнулся – чистота и есть как раз то состояние, которого он больше всего желает в своих нынешних условиях.

– Прости, Куми, я думал, это газы, хотел выпустить... и...

– О господи!

Она вылетела из комнаты, сопровождаемая Пхулой, которая была явно довольна драматическим эффектом сделанного ею открытия.

– Видите, баи? Я в такой вонище работать не могу. Я же не мехтарани какая-нибудь, которой каста велит чистить сортиры и с дерьмом возиться.

– Да, Пхула, ты...

– Заплатите мне положенное, и я сразу уйду. Столько работы предлагают в соседних домах. И без вони, от которой у меня нос как помойка делается.

– Ладно, Пхула, не убирай сегодня, только перемой кастрюли и сковородки. На кухне не воняет.

– Баи, я лучше уйду. Приду за деньгами завтра.

Куми проводила Пхулу до выхода, безуспешно пытаясь смягчить ее. Закрывая за ней дверь, она не сомневалась, что открывается другая – дверь в кошмар житья без прислуги, и чувствовала себя раздавленной.

Отправилась будить Джала.

– Вставай, – трясла она его за плечо. – И посмотри, что папа натворил.

– Мне что, даже пару часов поспать не разрешается? – бормотал он, нащупывая ногой шлепанцы.

Куми, не отвечая, потащила его в комнату Наримана. Запах не требовал комментария. Джал прислонился к косяку. Плечи опущены, все безнадежно.

– Мало того, – Куми чуть не плакала, – он лежал в этом кошмаре и улыбался. Улыбался! Ему смешно!

– Нет же, Куми, ты меня неправильно поняла, – взмолился Нариман и заспешил с объяснением нечаянного каламбура и своей улыбки.

Куми была непреклонна:

– Умоляю, хватит. Что я вижу, то вижу.

Джал пришел в такое же отчаяние, как сестра. Загаженная постель была последней соломинкой. «Мое Ватерлоо», – подумал он, но собственный каламбур не позабавил его; он был настолько подавлен, что даже не произнес его вслух. Попытки шутить остались в прошлом.

Чтобы привести постель в порядок, Наримана нужно было временно пересадить на стульчак, но он жаловался на сильную боль.

– Бог с ним, с запахом, и не так уж мокро. Прошу вас, оставьте меня на кровати.

– Невозможно, папа, – убеждал его Джал. – Только хуже будет. Матрас промокнет насквозь. И одному Богу известно, что с твоей кожей будет. Готова, Куми? Ну, раз, два, три...

Нариман тихонько застонал, как незакрытая дверь на ветру.

Они унесли перепачканные простыни и обзрели результат. Куми сказала, что такого бы не было, если бы она вспомнила про клеенку.

– У нас осталась клеенка. Мне надо было подстелить ее, как мама стелила ее в кроватку, когда Роксана была маленькая.

– Матрас надо поменять, – сказал Джал. – Возьмем для него матрас из маминой комнаты.

Матрас разложили на балконных перилах, помыли его, как сумели, и оставили на солнце. Джал продолжал бурчать – это же совершенно ясно, если бы не стульчак, так хоть этой мороки бы не было.

– При чем тут стульчак?

– Папе так больно садиться на него, что он предпочел выпустить газы в постели.

– Да не верю я ему. С газами могло немножко выйти. А тут смотри, что делается...

И Куми разрыдалась: ей этого не вынести, она ума не приложит, что ей делать, как обеспечить папе уход, а теперь, без Пхулы, на ее плечи полностью свалились и все домашние хлопоты. Папа прикован к постели, а с ним и до этого было очень трудно, чего ей только ни приходилось терпеть: унитаза вечно забрызган, в раковине грязь, эти его вставные зубы каждое утро и каждый вечер скалятся на нее.

– И никто ни разу не пришел мне на помощь, ни ты, ни Роксана, ни Йезад... А теперь... я просто не знаю... такая безысходность...

Рыдания сестры напугали Джала. Опорой семьи всегда была она, это он мог рассыпаться на куски под ударом. Нужно немедленно восстановить порядок вещей.

– У тебя просто сил нет, Куми, – стал он успокаивать сестру. – Давай присядем вместе.

Он за руку подвел ее к дивану.

– Возникла новая ситуация, новая и для нас, и для папы. Но мы приспособимся к ней, и станет легче.

Куми благодарно вслушивалась в слова утешения, они восстанавливали ее силы. Она согласилась завтра же отправить стульчак обратно в магазин.

– Взамен возьму у них судно.

Он посоветовал заехать по дороге к Ченоям и рассказать Роксане, что с отцом. Ее и Йезада необходимо поставить в известность, возможно, они смогут в чем-то помочь.

Это предложение Куми отвергла. Ничем они не помогут – будут только давать бесполезные советы и критиковать. Ей ни к чему налеты семейства Ченой – чтоб они проводили тут вечер за вечером и объясняли, как ухаживать за папой. Особенно этот Йезад. К тому же у нее и так нет сил, а тут придется играть роль гостеприимной хозяйки, предлагать им чай и прохладительные напитки в перерывах между судном и тазиком.

* * *

Джал пропустил еще одно утро на бирже. Он молил Бога, чтобы папа потерпел до возвращения Куми. А когда она вернулась, приветствовал судно и утку, будто были они сосудами спасения.

Но оптимизм, вызванный к жизни новыми посудинами, иссяк сразу после их опробования. Больше не требовалось, ломая хребет, поднимать Наримана на стульчак, но все прочее осталось во всей своей отвратительности.

«Это смешно, – говорила Куми, – весь этот технический прогресс, все эти ученые и инженеры до сих пор не изобрели ничего менее мерзкого, чем судно.

– Кому нужны мобильные телефоны, Интернет и прочая ерунда? А как насчет высоко-технического приспособления, чтобы человек сделал номер два в кровати?

Пришлось приспосабливаться. Худо-бедно, но они справлялись с физиологическими функциями отчима тела, переходя от отвращения к жалости, от жалости к ярости, от ярости снова к отвращению. Они недоумевали и негодовали по поводу того, что человеческое тело из крови и костей, такое целесообразное, пока оно в добром здравии, может вдруг обернуться такой гадостью. Ни возраст Наримана, ни его хвори не подготовили их к этому. Иногда они воспринимали происходящее как личную обиду, как будто отчим нарочно низвел себя до

нынешнего состояния назло им. К ночи атмосфера в квартире опять зарядилась напряженностью, сгустилась от высказанных и невысказанных упреков.

Они принесли на подносе ужин и подали ему вставные челюсти в стакане с водой.

– Можете сделать для меня одну вещь? – спросил Нариман.

– Мы делаем для тебя все, что можем, – ответила Куми.

– Конечно, – примирительно улыбнулся он. – Но от моих протезов пахнет. Я уже пять дней не чистил их.

Она выхватила стакан из его рук и, стискивая зубы, понесла в ванную. Вылила воду, следя, чтобы протезы не выпали из стакана, положила в стакан щепотку мыльного порошка, добавила чистой воды, поболтала, дважды ополоснула и вернулась к Нариману, довольная тем, что выполнила задачу, избежав прикосновения к протезам.

Нариман с благодарностью вставил зубы. И передернулся, ощутив вкус мыла.

– Что не так? – спросил Джал.

– Все в порядке. Спасибо за чистые протезы. Кстати, а Роксана знает про меня?

– Как ты думаешь? – озлилась Куми. – Была у меня хоть одна свободная минутка с тех пор, как ты пошел и переломал себе кости? Прошу прощения, если не угодила вашей светлости обслуживанием.

– Не сердись, Куми, – взмолился Нариман, – извини, я не подумал.

Сон еще не пришел и не смягчил боль, но он ответил молчанием на «спокойной ночи, папа» из коридора. Рука заскользила у двери, нащупывая выключатель. Свет погас.

Благословенная темнота. Нариман поерзал – липкая кожа зудела, умоляя посыпать ее тальком. Он попытался почесать спину. После его возвращения из больницы ни Джалу, ни Куми не пришло в голову сменить ему белье. Или дать ему влажное полотенце, не говоря уж о том, чтобы обтереть губкой. Сделали бы, если попросить, но руки у них такие неловкие, что лучше не рисковать.

Приподняв правое плечо, он дал потолочному вентилятору медленно обдуть спину. Он смотрел на окно, на стекла, освещенные уличными фонарями. Четкий рисунок прутьев оконной решетки странным образом давал успокоение. Старые друзья, он хорошо их изучил в те долгие часы, когда держался за них, стоя у окна в ожидании появления Люси. С них лупилась краска, иногда он ногтем сцарапывал чешуйки... как чешуйки перхоти в молодости, когда у него еще были волосы. Ногти. Пальцы. Платье Люси... Он прозвал это платье кларнетным, потому что в нем она выглядела узенькой как кларнет... Так он сказал ей... «Когда мы были юны... в дни нашей весны...»

«О прошлом тоскуя, мы вспомним о нашей весне, о, как вас люблю я, в то утро сказали вы мне... о прошлом тоскуя, мы вспомним о нашей весне...»

Он не то сам напевал, не то слышал слова песни... Их любимой песни, ставшей их с Люси песней с того воскресного вечера, когда они посмотрели «Большой вальс». Он вспомнил, как они пошли на последний сеанс в «Метро». В тот вечер он придумал название для ее желтого платья... а после картины сказал, что она красивей Милицы Корьюс. Они дошли пешком до Куперидж-майда, отыскивали себе скамейку подальше от толпы, собравшейся слушать военный оркестр, громко игравший энергичные марши. Деревья и кустарник отгородили их с Люси от эстрады.

Его пальцы прошлись вверх и вниз по крупным желтым пуговицам, осторожно нажимая каждую. «Это я играю на кларнете», – сказал он. Люси засмеялась и поддразнила его, сказав, что он не те клапаны нажимает. Он воспринял это как вызов. Они целовались, его пальцы растегнули пуговицы, скользнули под ткань, потом в лифчик, нащупывая соски. Люси часто задышала, и он шепнул ей в ухо, что нашел нужные клапаны. «Но одними пальцами не сыграешь, нужны губы, чтобы звучал кларнет, – сказал он, – дай я покажу». И начал растегивать

лифчик на спине. «Нет, – шептала Люси, – не здесь». Его губы проšliсь по всему... Полный концерт на кларнете они тогда отложили...

Мимо дома промчалась «Скорая», завывая сиреной, осыпая стены комнаты хаотическими вспышками проблескового маячка. На миг оконная решетка высветилась как днем, потом фонарь внизу опять наполнил стекла привычным мягким сиянием.

Видимо, задул ветерок, потому что он услышал шуршание листвы. На стеклах играли тени. Ветки шевелились, как лапы какого-то ночного зверя.

Его вдруг охватила дрожь. Хорошо бы выключить вентилятор, но он не решался позвать на помощь и только поплотней завернулся в простыню. В очередной раз осознал он свою беспомощность. Что же будет дальше? Он в полной зависимости от них, а ему еще лежать и лежать... Им уже сейчас опротивела возня с ним, опротивел он и то, что он жив.

Неправда, это несправедливо по отношению к ним, они стараются, как могут. Он взглянул на часы. До рассвета далеко. На оконном стекле изменился рисунок, силуэты листьев образовали разверстую пасть. Он закрыл глаза, чувствуя, как подступающее рыдание сдавило горло. Не надо им слышать...

* * *

– Убивает меня такая жизнь, спина просто не выдерживает, – сказала Куми, присоединяясь на балконе к Джалу. – Не ляжем спать, пока не решим, что делать с папой.

– Согласен, – ответил Джал. – Давай найдем сиделку.

– Невозможно. Денег нет.

– Ты всегда так говоришь.

– Смотри сам. Проверь банковскую книжку. Больничный счет съел все дивиденды, которые мы скопили.

С улицы послышались крики, топот. Они перегнулись через перила – по улице бежали люди, их с криками преследовала целая толпа. Понять ничего нельзя было.

– Похоже, за ворами гонятся, – сказала Куми, – карманников, должно быть, ловят.

– А может, просто горластая молодежь дурака валяет, – возразил Джал.

Толпа пронеслась мимо, крики затихли, улица возвратилась к нормальной деловитости.

– Что за жизнь у меня, – вздохнула Куми, – дом и рынок, рынок и дом. Даже в храм сходить не могу.

– Не только ты. Моя работа тоже страдает.

– Ты это называешь работой? Крутишься по утрам на бирже и сплетни там собираешь – это работа?

– Если бы я не следил за мамиными инвестициями, в доме и пайсы бы не осталось.

– А если бы ты нашел настоящую работу, в доме были бы деньги на сиделку. Или на санитара.

Вернулись к тому, с чего начали. В обиде и раздражении, не в силах трезво думать от усталости и безысходности, они тупо смотрели с балкона на нескончаемые потоки машин. Спор иссяк, они молча заключили перемирие.

– Я не хочу раздражаться, когда вижу, как папа, совершенно беспомощный, лежит в кровати, – сказала Куми, – но я его ненавижу и ничего с этим поделать не могу.

– Ты ненавидишь не его, – откликнулся Джал, напуганный силой этого слова. – Ты ненавидишь уход за ним. Но это наш долг, надо стараться выполнять его. Хотя и не родной отец, он всегда к нам хорошо относился, и мы не можем это забывать.

Проговорив до поздней ночи и ничего не придумав, они решили лечь спать. У двери отчима их остановил странный звук.

– Ты слышал?

– Не уверен.

Джал поправил слуховой аппарат и расслышал тихий плач. Они стояли под самой дверью и не могли ошибиться: он плакал.

– Что нам делать? – Глаза Куми наполнились слезами сочувствия.

– Зайти к нему, конечно.

Не зажигая света, они на цыпочках приблизились к кровати.

– Папа. – Куми нежно погладила его плечо. – Нам послышалось... Ты в порядке?

Нариман был рад, что в комнате темно. Он шевельнулся в ответ на прикосновение.

– Все хорошо.

– Болит? – спросил Джал. – Дать еще таблетку?

– Все в порядке. Вам нужно отдохнуть, ложитесь. – Он чмокнул, изображая поцелуй.

– Спокойной ночи, папа.

Они тоже поцеловали темноту и вышли, встревоженные новым поворотом событий.

Плач Наримана слышался несколько дней; иногда он всхлипывал во время послеобеденного сна, чаще по ночам. Было решено сообщить доктору.

* * *

Наримана удивил визит доктора Тарапоре, он усомнился в надобности тщательного осмотра.

– Мне казалось, я говорил вам в больнице, – соврал доктор, – что осмотрю вас через неделю после выписки. Чтоб удостовериться, что все идет как положено.

– И как?

– Все нормально. Лекарства снимают боль?

– Первые два дня были мучительными, – сказал Нариман, и Куми затаила дыхание – неужели пожалуется насчет стульчака? – Но это естественно, – продолжил Нариман, – тогда я принимал четыре таблетки обезболивающего в сутки. Сейчас мне достаточно одной таблетки перед сном.

– Отлично, – отозвался доктор. – Отлично.

Он не подавал вида, что обеспокоен переменой, которая произошла за неделю с профессором. Его состояние нельзя было объяснить переломом. Доктор Тарапоре провел беседу с Джалом и Куми – надо постараться поднять больному настроение.

– Депрессия – явление нередкое в период болезни, но у стариков она может принимать острую форму. Он не должен видеть, что вы встревожены его состоянием, будьте веселы и оптимистичны при нем, говорите с ним о хорошем, вспоминайте о приятном. Смех и веселое общение так же важны для него, как лекарства.

Доктор напомнил и о необходимости следить за состоянием спины, чтобы не допустить пролежней. Посоветовал ежедневно обтирать больного губкой или мокрым полотенцем, пользоваться хорошим тальком, почаще переворачивать его, усаживать в постели, подкладывая подушки под плечи. Пролежни или изъязвление тканей будут мукой для профессора, предупредил доктор, и серьезной нагрузкой для тех, кто за ним ухаживает.

...Куми сказала, что доктору Тарапоре легко рассуждать о веселом общении, ему-то не предстоит убить всю жизнь на уход за лежащим больным.

– Приятные воспоминания ему нужны. А откуда им взяться теперь?

– Можно говорить про Рокси, вспоминать ее младенческие годы, – придумал Джал. – Папа был очень счастлив тогда. Мы все были счастливы, мама тоже.

– И сколько можно говорить об одном и том же?

Джал пожал плечами.

– Меня вот что беспокоит – как бы мы ему не навредили своим уходом. Мы же ничего не знаем. Ты слышала, что доктор сказал про гигиену. Это огромная ответственность.

– От которой свободны Роксана и Йезад. Это несправедливо, и я с самого начала это говорила.

– Но как раз ты и не желаешь, чтобы мы им сообщили.

– А что толку сообщать? Пока папа у нас, они все равно помогать не будут.

Джал покачал головой, не зная, что сказать.

– Вот я вечером накричала на папу, а потом мне так было стыдно! Мне иногда жуткие мысли в голову лезут от отчаяния. Дать ему снотворного, чтоб тихо было. Или какие-нибудь таблетки для запора. Чтоб хоть на несколько дней его заперло.

Джал потер родинку под правым ухом.

– Разве не говорится, что, когда Бог насылает напасти, Он дает нам силу и мудрость, чтобы справиться с ними?

Она ответила, что сила и мудрость достаются только тем, у кого смелость есть, кто может постоять за себя.

– А мы никогда не могли, разве не так?

– Ты что имеешь в виду?

– Подумай сам – почему нет денег нанять сиделку? Потому, что мы позволили папе потратить все его сбережения на Роксану. С этого и начались наши проблемы. Слава богу, что нам от мамы достались средства. – Куми опять пылала яростью. – Была бы мама жива, не допустила бы она такую несправедливость! Как же я всех их ненавижу!

– Не надо так, она же наша сестра. А эту квартиру папа отдал нам. Теперь мы обязаны заботиться о нем.

– Ничем я папе не обязана! Он мои пеленки не менял, попку мне не мыл, и я тоже не обязана убирать его дерьмо!

– А как он мог? Тебе было одиннадцать лет, когда он женился на маме.

Джал не мог удержаться от смеха.

Куми слабо улыбнулась.

– Хорошо, все равно я не считаю, что обязана все это делать для него.

– Не в этом главная проблема. Даже если б мы с тобой превратились в парочку милосердных сестер наподобие Флоренс Найтингейл и обеспечили папе первоклассный уход, как насчет оптимизма и веселья? Их же в аптеке не купишь. А что, если он вправду умрет от депрессии?

Куми прижала палец к губам – у нее в голове формировалась идея.

– Папа всегда в хорошем настроении, когда общается с Рокси и с ее семьей. Папа и Йезад вечно перешучиваются и пересмеиваются.

– И что?

– А то, что он должен быть с ними, раз доктор назначил ему веселое общение.

– Глупости. Папа и Йезад прекрасно ладят. Но это не значит, что Йезад согласится месяц держать тестя у себя в доме, в двух тесных комнатухах.

– А Роксана что? Тоже не согласится? Если доктор говорит, что это вопрос жизни или смерти, так не Йезаду решать, как быть.

Новая идея долго обсуждалась на разные лады, пока брат и сестра не убедили себя, что Роксана без звука примет отца и даже будет им благодарна за эту возможность.

– На самом деле, – заявила Куми, – она нас отругает за то, что мы целую неделю ничего ей не говорили.

* * *

Подавая отчиму чай и тосты на завтрак, Джал сказал, что возникла идея, которую надо бы обсудить.

– Хорошо бы тебе немного погостить в «Приятной вилле», чтобы скорей восстановить силы.

Нариман кивнул и сказал, что чай несладкий.

– Я целую ложку положила.

– Все равно несладкий.

Куми добавила сахару, напомнив ему, что сахар больше по талонам не дают.

– А при рыночных ценах приходится экономить.

– Так что ты думаешь об этой идее, папа? – спросил Джал.

– Я думаю, что у Рокси тебе будет веселее, – вступила Куми. – Йезад и дети составят тебе компанию. И ты сразу начнешь поправляться – счастливое расположение духа означает здоровое тело. Время пролетит незаметно.

Они с нетерпением ждали ответа.

– Приятно видеть, что улыбки возвращаются на ваши сумрачные лица, – произнес он наконец. – А то вы стали похожи на портреты в коридоре.

– Что делать, папа, – сказал Джал, – мы тревожимся за тебя, и тут уж не до улыбок. Тяжело ведь видеть, как ты страдаешь, а мы не в силах тебе помочь.

Последовало долгое молчание.

«Допустим, – думал Нариман, – я скажу «нет» и приведу убедительные доводы – они все равно могут поступать по-своему. Допустим, я скажу: я живу в своей квартире, я перевел ее на ваше имя, потому что не хотел делать различия между вами и Роксаной. Неужели теперь, когда я беспомощен, вы меня на улицу выбросите? Скорей всего, они посмеются и скажут, что я драматизирую ситуацию».

– Мне все равно, где лежать. Но им будет трудно устроить меня в такой крохотной квартирке.

– Крохотной? По бомбейским меркам, у них огромная квартира! Ты сам знаешь, что в чаулах, в колониях, семьи по восемь, по десять человек живут в одной комнате!

Нариман еще раз всмотрелся в их напряженные лица.

– Если Роксана с Йезадом согласится, я не возражаю. Сначала поговорите с ними.

– Что ты такое говоришь, папа? – возмутилась Куми. – Конечно, согласится! Как, по-твоему, почему мы до сих пор не говорили Роксане о твоих переломах? Потому, что она захотела бы сама ухаживать за тобой – потребовала бы, чтобы тебя перевезли в «Приятную виллу». А мы хотели избавить ее от лишних хлопот.

Все было решено. Натужные шутки и преувеличенное внимание к мелочам помогали сохранять приличия, пока шли приготовления к переезду. Со шкафа был снят чемодан и аккуратно протерт от пыли. Куми подносила к кровати охапки белья и одежды и раскладывала на его одобрение.

Нариман, не глядя, говорил «да». «Она так оживилась, – думал он, – будто идут сборы на отдых».

Джал осведомился, собирается ли он взять с собой книги и какие именно. Он ответил, что не знает.

– Хорошо, скажешь нам потом, мы же всегда можем подвезти все, что тебе нужно.

Джал упаковал в пластиковый пакет безопасную бритву Наримана, пасту для бритья и кисточку. Вручил пакет Куми, чтобы она уложила его в чемодан.

Куми уложила пакет под рубашки.

– Тебе бороду надо отпустить, папа, и не возиться с бритьем. Ты у нас философ, тебе нужно бороду носить.

– Верно, – согласился Джал, – сократовскую бороду.

Нариман улыбнулся. Как оба стараются.

– Ничего не забыли?

Нариман покачал головой. Была бы фотография Люси, попросил бы положить в чемодан. Но Ясмин сожгла все фотографии, все до единой. На раскаленных углях в той самой серебряной кадилънице, которую разжигала для вечерней молитвы.

Может быть, оно и к лучшему. Пришлось полагаться только на память. Образ Люси невозможно сжечь.

* * *

На другое утро Куми дала ему дополнительную таблетку обезболивающего на дорогу. Она без конца проверяла, все ли собрано, не забыла ли чего.

– Джал, ты положил стакан, в котором папа держит протезы?

– Да неважно, – вмешался Нариман, – найдется у Роксаны стакан для моих тридцати двух.

– Если даже и забыли что-то, так мы отдельно привезем. – Джал испытывал неловкость от возбуждения сестры и старался унять ее.

– Лучше все проверить, а то Роксана еще скажет, что я плохо смотрю за тобой.

Куми побежала в ванную. Ненавистный стакан стоял на полочке. Она стряхнула с него капли воды и завернула стакан в оберточную бумагу.

– Ну вот, папа, теперь, кажется, все.

– «Скорая» подъехала, – возгласил Джал от окна.

«Бедные дети, – думал Нариман, – им трудно скрыть нетерпение». И он их не винил. Вина лежала на тех, кто тридцать шесть лет назад устраивал брак, на своеобразных организаторах трагедии. Он так и слышал голоса родителей после бракосочетания:

«Теперь твоя жизнь налажена, и мы можем умереть спокойно».

Что они и сделали годом позже. Прожили достаточно долго, чтобы выполнить свой долг, но не дожить до результатов содеянного ими.

Двое мужчин в мешковатых белых халатах и шлепающих кожаных сандалиях внесли носилки. Водитель дал Джалу на подпись квитанцию с графой «время прибытия» и уточнил адрес.

Санитары сдвинули Наримана на край кровати, подставили носилки. Они умело перекачали его на носилки, подоткнули простыню и посоветовали держать глаза закрытыми. Понесли носилки из спальни, осторожно пройдя дверь. Куми и Джал шли позади.

В коридоре Нариман открыл глаза и увидел мрачные портреты предков на стенах. Как странно они взирали на него – будто они живые, а он мертвец.

Носилки вздымались и опускались, как лодка, колеблемая волнами, и от этого казалось, будто предки кивают ему. Кивают, сходясь во мнениях относительно его судьбы, относительно его ухода из этой квартиры.

Он думал, не в последний ли раз видит знакомые лица. Захотелось попросить санитаров пронести его по всем комнатам, дать ему все рассмотреть и запомнить, прежде чем за ним закроется дверь.

Глава 5

Гамма, исполненная на легато, поплыла вверх с первого этажа «Приятной виллы». «Как сладостно может звучать обыкновенное до-ре-ми», – думала на третьем этаже Роксана, тихонько подпевая скрипке.

Октава закончилась, и она крикнула с кухни:

– Джехангир, собирайся. Вода согрелась!

Скрипка пропела мажорную гамму в другой тональности. Джехангир не обращал внимания на призывы матери: он сосредоточенно подыскивал верное место для фрагмента головомки – в данную минуту это было важнее всего.

– Джехангир, вода закипает. И я тоже, предупреждаю.

– Сегодня не моя очередь.

– Без фокусов. Мурад мылся вчера. И побыстрее – вода впустую выкипает.

Тень пала на незавершенное озеро Комо. Он поднял глаза – рядом стоял отец.

– Ты не слышишь, что мама говорит? Немедленно иди, не заставляй ее кричать.

Роксана почувствовала нежность к мужу. Она никогда не знала, чью сторону он примет – ее или детей.

Джехангир отложил головомку, Йезад взялся за нее.

– Твой сын совершенно свихнулся. Так сосредоточился, будто ищет свое место в мире.

Йезад повертел синий кусочек, над которым бился Джехангир, попробовал приладить его к разным местам на озере Комо и сдался.

– Еще не время для этого кусочка. Сначала сложи побольше.

– Знаю, – откликнулся Джехангир, снимая свое полотенце с веревки, протянутой через всю комнату от его кровати до Мурадовой. В дождливые дни, когда стирание нельзя вешать на балконе, веревка превращается в ароматную завесу из мокрого белья.

Джехангиру больше нравится комната, поделенная на два отсека. Тогда можно притвориться, будто он – один из Знаменитой пятерки или из Пяти следопытов; у тех детей были свои комнаты, и жили они в Англии, где все красиво. Его воображение переносило комнату, разгороженную мокрым бельем, в сельскую местность Англии, в дом с прелестным садом, где поют малиновки и цветут розы, куда он мог возвратиться после приключения или раскрытия тайны. «Как бы я хорошо подошел для той жизни», – думал Джехангир.

Школьная форма лежала в стопке одежды. Полотенце отсырело от влажного дыхания муссона. Спросили бы Джехангира, он бы сказал, что, чем мыться, лучше использовать время на головомку, на тихие берега озера Комо, синее небо над ним...

Мурад тоже захотел искупаться, но Роксана сказала, что по утрам у нее и так хлопот полон рот, без этих новых глупостей.

– Сначала даже через день не хотел мыться. Теперь ему ежедневная ванна понадобилась.

– Твой мальчик растет, – сказал Йезад, – разумным становится. Радоваться надо, Рокси.

– Прошу употреблять правильное имя моей матери, а не название кинотеатра, – произнес Джехангир дедовым тоном, зная, что позабавит отца.

– Ты на него посмотри – дедушку передразнивает! Ну подожди, быть тебе в беде при следующей встрече с чифом!

Йезад взял в ладони лицо Роксаны:

– Я весь мир вижу в этих глазах. Лучше всякого кино.

Скрипка на первом этаже продолжала упражнения, солнечными зайчиками рассыпая мажорные гаммы. Джехангир и Мурад смеялись, им нравилось видеть родителей в хорошем настроении, потому что часто выпадали дни мрачные, с криками и ссорами.

– И «Парк юрского периода» тоже видишь в маминых глазах? – съехидничал Мурад.

– Ни парка, ни динозавров, – ответил отец. – Зато вижу «Любовь сияет множеством красок».

Ответ вызвал общее веселье, а Роксана объявила, что так можно все утро проболтать, что все три лодыря опоздают, если не поторопятся.

– Мурад, убери постель, завтрак почти готов.

Ворча, что все ребята уже посмотрели «Парк юрского периода», один он не видел, Мурад задвинул свой низенький топчан под диван, на котором спал Джехангир. Топчан исчез из виду с протестующим стоном. Стол, плотно придвинутый к стене, был вытаскен на освободившееся пространство, вокруг стола как раз оставалось место для четырех стульев.

«Интересно, – думал Джехангир, – он когда-нибудь начнет относиться к мытью, как Мурад?» Ежедневное мытье горячей водой было привилегией отца, поскольку на работе он встречался с клиентами. Он превратил его в ритуал: тщательно мылся с мылом, тальком и душистым маслом для волос. Он пользовался мягким и пушистым махровым полотенцем. Остальные утирались простыми, жесткими.

Джехангир однажды спросил у матери: почему так? Она сказала: папа много работает в «Бомбейском спорте», и работа там такая тяжелая, что она всегда старается побаловать его чем может. «Очень важно, – сказала мама, – чтобы папа по утрам выходил из дому, чувствуя себя тип-топ». Она часто спрашивала отца: «Ты доволен, Иездеа, все хорошо?» Мама задавала этот вопрос и Мураду, и ему тоже. Ей так хотелось, чтобы все были довольны, так важно было постоянно получать подтверждения от них. Поэтому он неизменно отвечал «да», даже если бывало совсем не весело.

Усомнившись в местоположении другого фрагмента, Джехангир опять прилип к головоломке.

– Могу уступить очередь Мураду, – попробовал он отбиться от матери. – Мне сегодня не надо мыться.

– Не надо? – Мать подняла его руку и понюхала под мышкой. – Как от козла пахнет.

– Подмышечный тест, – сказал отец, – и, судя по маминому лицу, ты его не прошел.

– Как бы то ни было, ты должна и Мурада понюхать, – заявил Джехангир, – посмотрим, от кого хуже пахнет.

– Пора тебе новое выражение выучить, – заметил отец. – Надо дедушку навестить.

– Сегодня твоя очередь мыться, и разговор окончен, – отрезала мать, – если Мурад хочет каждый день мыться, пусть поднимается пораньше, пока из крана еще вода течет. В шесть пусть поднимается, как я.

Джехангир украдкой нюхнул под мышкой и учуял обычный интересный запах. Вода уже кипела. Взяв прихватки, мать подняла кастрюлю с плиты.

– В сторонку, в сторонку, – повторяла она, как корабельная сирена в тумане, продвигаясь в клубах пара к ванной, где кипяток выливался в ведро, до половины наполненное холодной водой. Больше всего она боялась, как бы в утренней суматохе не толкнуть и не ошпарить кого-то из них. И ни за что не разрешала Йезаду братья за кастрюлю с кипятком, боже сохрани, если он обожжется и ляжет...

Она не позволяла себе закончить мысль.

– Мойся как следует, с мылом и – куда ты побежал?

– В клозет.

– Опять? побыстрее, вода стынет! Иездеа, часы на кухне остановились.

– Можно я заведу, папа?

– Я тебе сто раз говорил, что это часы особые и очень хрупкие. Будешь заводить, когда постарше станешь.

Мурад ворчал себе под нос, что все откладывается на потом, когда он станет постарше, в результате столько должно накопиться у него дел, что никакого времени не хватит.

Недовольный узлом на своем галстук, Джехангир снял галстук, расправил его и принял новую попытку. Попробовал завязать новым узлом, которому в школе научился, – выпуклым, «пирожковым», как его называли ребята.

– Перестань возиться с галстуком, садись есть! – прикрикнула Роксана. – Мытье, завтрак, форма – все ему надо говорить!

Проглотив половину тоста с маслом, он опять почувствовал неладное в желудке и попробовал незаметно выскользнуть из-за стола, чтобы избежать перекрестного допроса, который обязательно должен был начаться.

Но мать вела счет.

– Третий раз? Что с тобой? А брат твой семь раз чихал, после того как встал с постели.

Он пожал плечами и отправился в клозет, слыша, как отец поддразнивает мать насчет ведения протокола результатов. Проходя мимо полка с припасами, Джехангир пробежался пальцами по глазированной поверхности трех керамических банок. В большой темно-коричневой, формой напоминающей амфору, хранился рис по талонам, цилиндрическая банка цвета охры была наполнена пшеницей по талонам; самая маленькая, красновато-коричневая пузатая коротышка, предназначалась для дорогого риса басмати, который готовили исключительно по праздникам и дням рождения.

Ему нравилось трогать эти банки, вбирать в пальцы прохладу их глазури. Холодноватые и гладкие в любое время года, они как три божка восседали в темноватом коридорчике. Когда поспевали манго, их клали в рис, где они гораздо лучше, чем в соломе, созревали до золотого цвета. И рисинки шелковисто стекали по его нетерпеливым пальцам, когда он нащупывал плоды, проверяя, можно ли их уже есть.

Надо было трижды дернуть за цепочку, чтобы бачок разразился очистительным каскадом. Услышав, что он спустил воду, мать вышла в коридор.

– Может быть, тебе лучше сегодня остаться дома? – нахмурилась она.

На обратном пути он не дотрагивался ни до банок, ни до чего другого. У мамы было строжайшее правило: после клозета полагалось немедленно вымыть руки, вымыть дважды и с мылом; только после этого руки могли принимать участие в жизни за пределами клозета.

Далекая скрипка теперь сплетала туман и грусть в минорные гаммы. Третий поход Джехангира в клозет сгустил облако тревоги на лице Роксаны. Все еще хмурясь, вернулась она к плите взбить пару яиц для мужа. Она уговаривала его отказаться от яиц или по крайней мере не есть их каждый день.

– Послушай меня, Йезад, вредно есть яйца каждый день. И в газетах пишут, и по телевизору без конца говорят про холестерин и сердечные болезни.

– Модные выдумки, Рокси. Мой отец и дед дожили один до восьмидесяти двух, другой до девяноста одного. До самого последнего дня оба ели яйца на завтрак.

И, копируя крикливого официанта из иранского ресторана, гортанно затараторил: «яичница, болтуня, глазунья, омлет», выговаривая «омлет» как «амулет», от чего Мурад чуть чаем не захлебнулся со смеху.

Джехангир благодарно улыбнулся отцу. На прошлой неделе, когда мать точно так же упрашивала его отказаться от яиц, отец ответил по-другому: «Ну и хорошо, чем скорее умру от сердца, тем лучше. Сможешь выйти замуж за богатого».

В тот раз глаза Джехангира сразу наполнились слезами, папа с мамой, как всегда, поссорились из-за денег, потому что денег на все не хватало, и он ушел постоять один на балконе.

Обнюхал дважды помытые руки, чтобы убедиться, что от них пахнет мылом: мама иногда требовала доказательств. Но на сей раз проверка касалась не рук, а стула – все ли три раза был жидкий стул, со слизью или без?

Он ненавидел эти сортирные расспросы, стеснялся их – чувствовал себя младенцем в пеленках. Игнорировать их невозможно, мама не оставит его в покое, значит, надо отделаться быстрыми, краткими ответами.

– Жидкий во второй и третий раз, без слизи, – выпалил он и уселся за стол.

Мурад решил, что на его тосте маловато масла. Он подошел к холодильнику за масленкой, которая должна стоять позади хлеба и молока. Открыл дверцу – сразу стал слышнее механический лязг и стук внутренностей холодильника.

– Ты что ищешь? – спросила Роксана.

– Масло.

– У тебя достаточно масла на тосте. Этой пачки нам должно хватить до воскресенья. И отойди от холодильника, пока не простудился.

– Оставь их в покое, Рокси, – вмешался Йезад. – Мальчишки все же, нельзя с ними все время сюсюкать. Может, имена им поменять: Сюсю и Сю?

Роксана ответила, что ему легко смеяться над ней, но если за детьми не следить, так бог знает что может случиться с Джахангиром при его слабом желудке и с Мурадом, у которого при малейшей простуде миндалины раздуваются, как воздушные шары. Уж не говоря о том, что именно она не спит ночами, когда детей рвет, когда они температурят и нужно класть компрессы на горячие лобки.

– Тебе никогда не приходилось маяться по ночам, я всегда стараюсь дать тебе хорошенько выспаться. И это я бьюсь, чтобы рассчитаться с доктором. Занялся бы сам семейным бюджетом, так сразу узнал бы, как мало у нас денег и как трудно покупать и продукты, и лекарства.

Джахангир слушал в тоске. Так славно начинавшееся утро переходило в ссору. Вдруг, к его облегчению, отец нежно взял мать за руку.

– Ты права, Роксана, профилактика лучше лечения. Но наш Джахангла уже столько пропустил в этой четверти. Его проблемы с нижним этажом создадут ему проблемы на чердаке.

«Интересно, – подумал Джахангир, – придется сегодня идти в школу или нет?» Ему нравится, как его зовет отец – Джахангла, это лучше, чем мамино Джахангу, напоминающее детские дразнилки «гу-гу, га-га».

– Ну что, мошенник, что ты съел на этот раз?

– Ничего не съел, я в порядке.

Он знал, отец имеет в виду ту историю, когда он с ребятами из школы наелся запретных зеленых манго.

– Хочешь дома остаться? А то в школе тоже есть сортир.

Джахангир перестал жевать; прихлынувшая слюна понесла вон полупережеванный тост, грозя выбросить его на тарелку. Школьный сортир омерзителен, там воняет, как в общественных уборных на вокзалах. Мальчишки называли сортир «болотом». Джахангир удивился, когда впервые услышал это слово. Посмотрел в отцовском словаре: оказалось, у слова несколько значений. «Жаргонное название сортира» – говорилось в словаре; «мокрая губкообразная почва». Он представил себе мокрую губкообразную почву, представил себе, как ступает на нее нога, и согласился: «болото» – правильное название для школьного сортира.

На вопрос отца вместо него ответила мать:

– Сегодня Джахангу рискованно есть школьный обед. Я ему сварю рисовый суп.

Любимое блюдо – отварная баранина и белый рис. Он настроился на приятный день: почитать в уюте большой родительской кровати, заняться головоломкой озера Комо, потом обед, после обеда немножко поспать и опять взяться за книжку.

– И что ты будешь делать дома? – поинтересовался отец.

– Будет отдыхать и кое-что из уроков подделает, – опять ответила мама.

– И «Знаменитую пятерку» почитаю, – добавил Джахангир.

Йезад только плечами пожал:

- Не могу понять, чего ради в школьной библиотеке до сих пор держат эту чушь!
- Детям нравится Инид Блайтон, – возразила мать. – От ее книжек нет вреда.

Йезад сказал, что такая литература наносит огромный вред – она воспитывает в детях безразличие к родным местам, учит их ненавидеть себя за то, что они такие, как есть, мешает понять, кто они на самом деле. Он сказал, что в детстве тоже читал эти книги и стремился стать маленьким англичанином, да еще того типа, которого и в Англии-то не существует.

* * *

«Скорая» с выключенной сиреной пробралась через затор, закупоривший переулок, и, фыркнув мотором, остановилась перед «Приятной виллой». Роксана как раз кончила загружать скороварку: зеленая фасоль к обеду в первом отделении, баранина для Джехангира – во втором и просто белый рис – в третьем. Закрепила тяжелую крышку и отправилась на балкон развешивать белье.

Четырехэтажная «Приятная вилла» поначалу действительно была приятной для жизни. Но закон о контролируемой арендной плате и твердое намерение домовладельца не тратить лишнего довели дом до состояния большей части жилых помещений Бомбея: облупившаяся штукатурка, дырявые баки, обломанные водостоки. Дом, изначально окрашенный снаружи в персиковый цвет, теперь цветом больше всего напоминал подсохшую рвоту. Электропроводку почти начисто съели помоечные крысы. А балконные решетки кованого железа, некогда лучшее украшение дома, съедала ржавчина.

На балконе Роксана опять подумала про Йезада. Она помахала ему с балкона. Провожая на работу, они всегда целовались у двери, потом Роксана махала с балкона, и ее утренняя вспышка была забыта. Не забылась тревога по поводу уровня холестерина, нежелания Йезада проверить его или сократить потребление яиц.

Как дурное предзнаменование, внизу показалась машина «Скорой помощи», похожая на крупное белое животное. Она глянула вниз поверх тяжелой охапки мокрого белья. После трех пасмурных и дождливых дней сегодня выглянуло солнце. Внимательно прислушиваясь к звукам из кухни, где шипела скороварка, уже набирая хороший пар, она принялась вешать белье на веревку, прихватывая каждую вещь прищепкой.

Встряхивая вещь за вещью, радуясь водяной пыли, летящей с белья, с удовольствием представляя себе, как будет пахнуть солнцем чистое белье, когда к вечеру она внесет его в дом. Ей вспомнилось, как Джехангир – года в четыре – обнимал ее, зарывался лицом в грудь сухого белья и говорил: «Ты пахнешь как солнышко, мама».

Теперь он больше так не делает, не обнимает ее так порывисто. И Мурад тоже. Теперь оба ведут себя сдержанно, зная, когда полагается обнять маму. «Что же, растут», – печально подумала Роксана. Скороварка свистнула, выпустив клуб пара, Роксана бросилась на кухню.

Свисток, знаменующий середину утра, вторгся в упражнения соседки с первого этажа. Она уже покончила с гаммами, теперь Дейзи Ичапория разогревала пальцы на стремительных коротких пассажах, которые энергично перепрыгивали с балкона на балкон «Приятной виллы», пересекаясь в пути со свистками скороварки.

– Честный обмен, – сказала однажды Дейзи в ответ на извинения Роксаны за ежеутренние помехи. – Мой шум в обмен на ваш.

Дейзи была первой скрипкой Бомбейского симфонического оркестра.

– Но мне так нравится слушать, как вы упражняетесь! Прямо как концерт!

– Как мило с вашей стороны, – приняла Дейзи комплимент и, в свою очередь, поделилась с Роксаной сведениями об опасностях скороварок, которые, как она уверяла, известны ей не с чужих слов. У Дейзи был немалый запас историй о взрывах и пожарах, о ланчах и обедах, взлетающих к потолку в опровержение законов земного тяготения. Дейзи со вкусом рассказы-

вала свои и чужие истории о стряпне, выходящей из-под контроля: о детонировавшем жарком, пославшем картофелины, как маленькие пушечные ядра, прямо в потолок, о кусочках мяса, рассыпавшихся шрапнелью; о креветочном карри, превратившемся в модернистскую живопись на кухонной стене, которую следовало бы взять в рамку, чтобы она приносила удовлетворение по меньшей мере четырем из пяти наших чувств. А сверхвысокие температуры скороварки делали невозможной очистку стен, поскольку пища приваривалась к штукатурке. И отодрать ее можно было только при помощи молотка и зубила, уверяла Дейзи.

Роксане были продемонстрированы пятна на кухонном потолке, которые, по словам Дейзи, были остатками свиного виндалу.

– И в тот же день, когда это случилось, я продала скороварку на металлолом, – сказала скрипачка.

Роксана внимательней прислушалась бы к предостережениям, не исходи они от скрипачки, по слухам, игравшей дома нагишом. На концерты БСО она, конечно, являлась одетой – в длинной черной юбке, в блузке с длинными рукавами, с ниткой жемчуга на шее, едва доставшей до ее бюста.

Весь дом знал, что Дейзи Ичапория мечтает войти в число мировых виртуозов. По «Приятной вилле» ходила шутка, что она играет нагишом в надежде соблазнить дьявола, чтобы он явился и наделил ее сатанинским владением скрипкой, тогда она бы играла как Паганини в юбке. Скрипачку соседки всерьез не воспринимали и за глаза звали Дейзи-простофиля.

Лично Роксана ни разу не видела, чтобы Дейзи обнажалась больше, чем до солидного бюстгальтера и удобных панталон такого покроя, что вместе они вполне могли сойти за блузку с юбкой. Сама скрипачка объясняла свое пристрастие к облегченному наряду тем, что ей жарко играть из-за страсти, которую она вкладывает в музыку, страсти, заставляющей ее так обильно потеть, что соленые выделения, капающие со лба, подбородка и шеи, могут испортить ценный инструмент.

Бывало, что Дейзи, увлекшись игрой, забывала задернуть шторы, когда наступали сумерки и зажигался свет. Тогда под ее окном собиралась кучка зевак поглазеть на баджавалу, на музыкантшу. Кончалось тем, что кто-то из соседей стучался в ее дверь, штора задергивалась, любители музыки расходились.

Рассеянность скрипачки не шла из ума Роксаны при обсуждении взрывоопасности скороварок. Ей, пожалуй, немного льстило ощущение опасности, придаваемой обыкновенной кастрюле рассказами Дейзи. Роксане нравилось чувствовать себя повелительницей, укрощающей демона пара. Было бы глупо чересчур серьезно воспринимать Дейзи.

Правда, совсем не обращать внимания на ее истории тоже неразумно, поэтому свисток скороварки отвлек Роксану от белой машины «Скорой помощи».

* * *

Новый приступ сомнений заставил Джала помедлить у подъезда. Что будет потом, когда папа вернется домой? Как сложатся отношения между ними? И между Роксаной и ними? Сколько обид в семье вызовет то, что придумали они с Куми...

Джал попытался переключиться на положительную сторону дела – по крайней мере, он теперь сможет ходить по утрам на биржу.

– Поторапливайся, – подтолкнула его Куми, – иди поговори с Рокси.

Он поднял глаза на балкон Ченоев, увидел сохнувшее на веревке белье.

– У меня такое чувство, будто мы собираемся сделать что-то ужасное...

– Это потому, что мы с тобой чувствительные люди. Нам надо больше жить разумом и меньше чувствами. Разве наше решение – не наилучший выход для папы?

– Надеюсь. Но только ты пойдешь со мной. Я не хочу подниматься навстречу один.

– Перестань нервничать. Йезад на работе, а она сразу согласится.

Уверенные слова противоречили тону, которым они произносились: Куми разделяла опасения Джала.

– А как же папа, если я поднимусь с тобой, он останется один с санитарями?

– Они что, украдут его?

На лифте висела грязная, пожелтевшая картонка: «ЛИФТ НЕ РАБОТАЕТ». Куми заворчала, что припомнить не может, когда он вообще работал, это просто трагедия – папа потратил все свои сбережения на квартиру в разваливающемся доме.

– В любом случае носилки сюда не вошли бы, – сказал Джал, всматриваясь через решетку в запыленную, запутиненную клетушку.

Подъем по лестнице дал им время отрепетировать порядок действий. Джал опишет события, начиная с падения на улице и кончая предостережением доктора. Сама она будет только дополнять, если он что-то забудет; свою козырную карту она пока придержит.

До последней площадки они добрались, еле дыша. Джал потянулся к звонку. Но Куми остановила его руку – дай немного отдышаться. Через минуту она кивнула, он позвонил, оба замерли в ожидании.

– Привет, – сказала Роксана, – какой сюрприз!

Нечто большее, чем сюрприз: ее охватила неясная тревога. Брат и сестра уже давным-давно перестали заходить просто так.

– Войти-то можно? – спросила Куми.

– Ну конечно! – Роксана отступила, открывая им путь. – Все в порядке? Как папа?

– Все хорошо. Хорошо.

Роксана извинилась: скороварка опять издала свисток, подзывая ее. По пути на кухню она сказала уютно прикорнувшему в кровати Джехангиру, чтобы он встал и вышел поздороваться.

– Нужно обсудить очень важное дело, – начал Джал, когда все уселись.

– Так, может, лучше в присутствии Йезада?

– Было бы лучше, но дело срочное. Видишь ли, неделю назад папа упал на улице...

Роксана прижала руку к лицу, слушая рассказ про тот вечер, про грузчиков-гшти, которые подняли Наримана и принесли его домой, про такси и больницу, про рентген, про гипс на сломанной лодыжке. Роксана плакала, представляя себе, как мучился отец.

Куми обнимала ее, гладила по волосам, а Джал объяснял, что папа впал в депрессию и что, по мнению доктора Тарапоре, депрессия мешает его выздоровлению. Слезы Роксаны сменились негодованием.

– Почему мне сразу не сообщили? Мы бы все пришли и были бы рядом. Почему нужно было так долго ждать?

– Мы не хотели волновать тебя, – ответила Куми, – да и, честно говоря, у нас минуты свободной не было.

– Но самое страшное уже позади, – продолжал Джал, – мы здесь, а папа нуждается в твоей помощи. Давай сосредоточимся на главном.

– Конечно! Йезад, я и дети, мы будем каждый вечер с ним.

– Это ничего не даст, – покачала головой Куми. – Он будет счастлив, пока вы с ним, и опять впадет в депрессию после вашего ухода. Будет как на качелях, а это еще хуже.

– Он хуже всего чувствует себя по ночам, – добавил Джал. – После полуночи начинает плакать. Да так громко, что будит нас.

– Не плачь, – Куми поцеловала сестру, – есть очень простой выход из положения. Если папа побудет некоторое время у вас, в теплой семейной атмосфере, он скоро снова начнет улыбаться.

– Это было бы замечательно. – Роксана пальцами утерла глаза и обтерла руку об юбку. – Я была бы просто счастлива, если бы это было возможно.

– А почему нет?

– Что спрашивать? Ты же видишь, в какой тесноте мы живем.

– Я не сомневаюсь, что при желании можно найти место и для папы.

Роксана задумалась.

– Ты права. Давай посмотрим, где можно устроить папу.

Указывая на немногочисленные предметы обстановки, загромождавшие маленькую комнату, Роксана объясняла их функции, будто они были загадочными музейными экспонатами.

– Диван, на котором вы сидите, – спальное место Джехангира. Под него мы днем задвигаем топчан Мурада. – Роксана показала, приподняв край покрывала. – Топчан удобный и низкий, на ночь выдвигается, днем убирается на место. Так, рядом кресло и чайный столик, их Мурад сдвигает, когда выдвигает топчан. Наш огромный обеденный стол на двоих, с четырьмя стульями. Перейдем в маленькую комнату, где спим мы с Йезадом?

Нервничая от неловкости, Джал пробормотал, что на самом деле нет в этом надобности, зачем им везде совать нос и все высматривать...

– Ну почему? Вы – члены семьи, вы помогаете, – возразила Роксана.

Обнаружив Джехангира в постели, они изумились, будто не рассчитывали на присутствие свидетеля.

– Ты не в школе? – воскликнула Куми.

– У него болит живот, – ответила Роксана.

Дядя и тетя потрепали Джехангира по плечу, велели поскорей выздоравливать и есть поменьше манго.

Кроме двуспальной кровати в комнате были два шкафа и две стоячие вешалки для одежды. В угол был втиснут столик со стулом – здесь мальчики делали уроки. Роксана демонстрировала мебель, как гид достопримечательности.

– Есть предложения?

– Не нам предлагать перестановки в твоём доме, – извиняющимся тоном сказал Джал. – Ты сама должна решать.

– Ты так думаешь? Минутку, есть же еще кухня, ванная, клозет. И коридорчик – может, найдется местечко рядом с рисом, сахаром и керосином.

– Послушай, Роксана, может быть, хватит дурака валять? – спросила Куми.

– А как насчет вас двоих? Целую неделю вы скрываете от нас папино состояние. Потом вдруг заявляетесь в середине дня, когда Йезад на работе...

– Зачем тебе Йезад? Это твой дом, оплаченный деньгами твоего отца. А кроме того, Йезад уже дал разрешение.

– Что?!

– Помнишь папин день рождения? И трость, которую вы ему подарили? Я в тот самый день сказала, что если с папой что-то случится во время его прогулок, так его прямо в «Приятную виллу» привезу. А Йезад раскрыл свой большой рот и ответил – пожалуйста, пусть гостит у нас! Ну и где же твое гостеприимство?

– И не стыдно тебе? Ты знаешь, что я все готова ради папы сделать! Но так вывернуть простую шутку...

– У тебя с Йезадом все шутки, – парировала Куми, – вы с ним большие мастера посмеяться и подурачиться!

– И как раз по этой причине папе нужно быть у вас, – взмолился Джал. – Йезадовы шутки сейчас – лучшее лекарство для папы!

– Не будет смешно, если эта депрессия его прикончит, – мрачно сказала Куми. – Доктор Тарапоре прямо сказал: стариков депрессия убивает быстрее, чем болезни или травмы. Папина гибель будет на вашей совести. На ваши головы падет она.

– Бога ради, не надо ссориться, – жалобно сказал Джал, – давайте спокойно все обсудим.

– Больше нечего обсуждать, благодарю вас, – для Куми настал миг бросить на стол козырную карту. – Нам осталось распорядиться, чтобы «Скорая» развернулась назад.

Роксана в смятении ринулась на балкон, перегнулась через перила и бросилась обратно.

– «Скорая»... неужели вы оставили там папу? Бросили одного в таком состоянии?

Джехангир прибежал на рыдания матери. На ходу заталкивая в штаны пижамный шнурок, он встал рядом с Роксаной, держа ее за руку и глядя на дядю и тетку укоряющим – как он надеялся – взглядом.

– Не перегибай палку, Рокси, – говорила Куми, – папе удобно в «Скорой», мы заплатили за первоклассную машину. Присядь на минутку.

Обливаясь слезами, Роксана оттолкнула сына и опрометью бросилась вниз по лестнице. За ней осторожно двинулся Джал, умоляя ее не мчаться с такой скоростью.

– Не хватало, чтобы еще ты сломала ногу! – кричала Куми.

Джехангир закрыл дверь и вышел на балкон. На третьем этаже, в квартире прямо напротив, зеленый попугай переступал в своей клетке с лапки на лапку, раскачиваясь из стороны в сторону как безумный. Джехангир посвистел попугаю и стал вглядываться в комнаты. Чужие квартиры всегда казались ему веселее и привлекательнее, чем собственная.

Посмотрел вниз на «Скорую». Вокруг уже собрались соседи, среди них и Вили Кардмастер с их этажа, которую отец звал Лотерейной королевой, потому что к ней бегали советовать, на какие номера ставить.

Мама говорила, что эта подпольная лотерея – плохое дело, а женщина, которая не только сама играет в азартные игры, но еще и других вовлекает, – это вообще ужас! Мама недолюбливала тетю Вили.

Тут он увидел, что из подъезда выбежала мама, миновав толпу соседей, бросилась к «Скорой». Тетя Вили протянула было руку, но мама, не обращая внимания, рванула ручку задней двери и скрылась в машине.

Роксана стояла на коленях у носилок, держала отца за руку и гладила его по голове.

– Не волнуйся, дитя мое. У меня все хорошо.

Роксана склонилась поцеловать его и едва не отпрянула от острого запаха. «Как же они ухаживали за папой», – подумала она.

– Это не моя идея, – прошептал отец, – они обещали переговорить с тобой и с Йезадом, прежде чем везти меня.

– Я знаю, папа. – Роксана погладила его колючий подбородок и легонько сжала его пальцами.

Нариман улыбнулся:

– И ты туда же? Что вас всех тянет к моему подбородку?

Роксана опять потискала отцовский подбородок.

– Случается, что наши дети учат нас милым вещам.

Тем временем вокруг «Скорой» разворачивались другие события. Джал и Куми подошли к машине как раз в ту минуту, когда соседи заметили в подъезде незнакомца, который переписывал в книжечку висевший там список жильцов с указаниями номеров квартир.

Он так старался не привлекать к себе внимания, что возбудил подозрительность всех толпившихся во дворе. Будучи призван к ответу, незнакомец сказал, что работает на фирму, которая проводит исследование рынка, и улизнул.

«Все врет», – решили соседи, когда он исчез. Он не похож на социолога. Вили Кардмастер объявила, что, скорее всего, он был из Шив Сены, а фамилии записывал, чтобы установить, где проживают мусульманские семьи: Шив Сена точно знала, куда направлять погромщиков, когда в городе шли беспорядки из-за мечети Бабри Масджид. Видимо, готовятся к следующему погрому.

– Чало, поехали, – нарочито громко обратилась Куми к водителю «Скорой», – здесь нет места для пациента. Разворачивай.

Роксана выпрыгнула из машины.

– Подождите! – крикнула она шоферу. – Поднимите, пожалуйста, больного на третий этаж.

– Уверена? – спросила Куми. – Решила, куда поместить папу?

– Поторапливайтесь! – прикрикнула Роксана на санитаров, которые мешкали, ожидая подтверждения от Куми.

Куми кивнула. Один санитар забрался в машину, другой ухватился за носилки у задней двери. Носилки вынесли. Нариман прикрыл рукой глаза от солнца.

– Извини за промедление, папа, – заговорил Джал. – Мы напугали Роксану, ведь новость была для нее полной неожиданностью.

– Она и должна была испугаться, – милостиво согласилась Куми, – хотя причин для беспокойства нет. Видишь, Рокси, папа в полном порядке.

Она приподняла простыню, демонстрируя загипсованную ногу Наримана. Соседи подошли поближе, сочувственно любопытствуя.

– Быстро вверх! – распорядился Джал. – А то санитары уже засыпают. Смотрите не уроните носилки на лестнице. Уронят папу, так получится настоящий Шалтай-Болтай!

Хихикнул только он один. Джал жестикулировал, как регулировщик на перекрестке, руководя санитарями, которые наконец двинулись к парадному, шлепая тяжелыми сандалиями. Гулко зазвучали их шаги на каменной лестнице, отмечая шлепком каждую ступеньку.

Добравшись до первой площадки, санитары поняли, что носилки едва ли удастся развернуть. Они попробовали наклонить их, и Нариман с силой вцепился в края, чтобы не выпасть.

– Аре, осторожней! – вопил сзади Джал. – Вы что, хотите спустить пациента с лестницы?

Санитары огрызнулись, стали доказывать, что единственный способ – пронести носилки над перилами с помощью Джала и женщин. Роксана голосила, что это слишком опасно, и умоляла Куми увезти папу домой, обещая приходить через день и оставаться на ночь, чтобы Куми было полегче.

Наконец носилки были подняты повыше и пронесены над перилами. Маневр пришлось еще дважды повторить, но в конце концов их втащили на третий этаж. Джехангир ждал у дверей.

– Отойди в сторонку, дикра. Дай санитарам пройти, – сказала Куми.

– С дедушкой все в порядке?

– В полном порядке. – Она погладила его по голове. – Можешь сам спросить у дедушки. Он же может говорить. У него только лодыжка сломана. Так, Рокси, куда нести папу? Решай, пока санитары здесь, одни мы не справимся.

– Уложим папу на диван, где у нас Джехангир спит, ты согласен, Джехангир?

– Конечно!

Дедушка показался ему таким маленьким и жалким на носилках, что он просто возликовал, увидев его улыбку и услышав тихое «спасибо».

– Пожалуйста, дедушка.

– Мой чемодан и судно остались внизу, – напомнил Нариман, адресуясь ко всем сразу.

– Сию минуту принесу! – вызвалась Куми, которой сильно хотелось улизнуть.

Санитары с трудом уложили Наримана на диван – диван был уже кровати, а в комнате не было места, чтобы вплотную придвинуть носилки и переложить пациента одним движением. Пришлось поставить носилки на пол и поднять Наримана на руках.

– Ох! – вскрикнул он.

Роксана непроизвольно зажала себе рот рукой.

Джал расплатился с санитарями и выпроводил их.

Придвинув стул к дивану, он уселся рядом с Нариманом и погладил его по руке.

– Ну, вот и все, папа. Надеюсь, мы тебя не замучили. Ты знаешь, Рокси, он у нас отважный солдат, за целую неделю ни разу не застонал.

– Не столь уж и отважный. Я достаточно настоился с этим стульчаком.

Роксана спросила, при чем тут стульчак, если папе не разрешено вставать с постели?

Запыхавшаяся Куми вошла в комнату с чемоданом и с завернутыми в газету судном и уткой, проклиная неработающий лифт.

– Ты что, думаешь, мы нарочно хотели помучить папу? – вспыхнула она. – Мы считали, что стульчак будет удобней для него.

– Оказалось, ошиблись, – разъяснил Джал. – Когда нет опыта, можно ошибиться.

Перед уходом они рассказали Роксане, как давать папе лекарства: от болезни Паркинсона, от остеопороза, от давления. Роксана хотела все записать, но Нариман остановил ее:

– Я все это знаю наизусть.

Куми отозвала сестру в сторонку и прошептала ей на ухо, чтобы она не очень полагалась на него.

– Он забывает и часто путает слова.

Прощались дружелюбно и весело, Джал пошутил, что через три недели надо будет устроить соревнования по бегу между папой и Джехангиром.

– И придется дать папе хороший гандикап, иначе у Джехангира не будет ни шанса.

Куми заявила, что им будет одиноко без него.

– Поскорее возвращайся, папа! – Она поцеловала его в щеку и помахала с порога.

* * *

Прежде всего нужно проветрить комнату, сказала Куми по возвращении в «Шато фелисити». Ей казалось, что запах пропитал всю квартиру, включая даже кухню.

– Ну что ты говоришь, – попытался урезонить ее Джал, – не так уж и пахнет.

– Возможно, ты и обоняние теряешь, а не только слух. Тебе надо обратиться к доктору.

Она распахнула окна и двери во всех семи комнатах, включила все потолочные вентиляторы, не страшась пыли. Пыль можно потом вытереть.

– Как странно, – сказала она часа через два, – я все равно чувствую запах, даже в маминной комнате пахнет, хотя она так далеко.

– Скорей всего, запах у тебя в голове. Это чисто психологическое.

– Если я чувствую запах и он меня беспокоит, то какая разница, где он?

– Верно. Если он у тебя в голове, так ничто не поможет. Как кровь на руках леди Макбет, помнишь? Все благоволия Аравии, все твоё мытьё и проветривание не сможет удалить его.

Куми ответила, что ее достаточно раздражает вонь, можно обойтись и без глупых комментариев.

– Заговорил как папа – так же мрачно и театрально. Лучше помоги мне с работой.

Остаток дня они провели за тщательной уборкой комнаты Наримана. Постельное белье нужно было замочить с мыльным порошком в одном ведре. Клеенку – в другом. Сняли шторы с окон. Все в комнате – ночной столик, комод, шкаф, оконные рамы, дверь, абажур и лампочка, – все было вымыто раствором «Деттола» и насухо вытерто.

Вечером Джал объявил, что с него хватит. Он уселся в полумраке гостиной; Куми продолжала мыть и тереть.

Около восьми Куми пришла спросить, устроит ли его яичница с картофелем на ужин. В гостиной было уже совсем темно.

– Я не голоден, поужинай одна.

Ей тоже не хотелось есть.

– Давай просто выпьем моего малинового шербета. Мы слишком устали, чтобы есть, а вот выпить холодненького...

Выходя из комнаты, она протянула руку к выключателю, но Джал попросил не зажигать свет.

Возвратившись с подносом, она услышала, как брат вздыхает в темноте. Поставила поднос на стол и зажгла настольную лампу.

– Джал? Что не так?

Он покачал головой.

Куми села напротив него и подала ему стакан.

– Выпей, это освежит тебя. Мы просто измотаны. Мне тоже не по себе.

Он снова покачал головой:

– Что мы наделали, Куми?

– Ничего. Ничего мы не наделали. Не будь слюнтяем.

Но ей было тошно. Она заставила себя отпить глоток.

– Так надо было. У нас не было выбора.

Слова не шли, и она выключила лампу.

Глава 6

Немного придя в себя после визита Джала и Куми и негодования, вызванного их поведением, Роксана стала с беспокойством думать, какотреагирует на события Йезад. Конечно, ему нравится общество папы и папино чувство юмора, но семейные встречи бывают не так уж часто и длятся недолго – никакого сравнения с напряжением, которого потребует трехнедельный уход за лежащим больным.

– Надеюсь, Йезад не будет возражать, – сказал Нариман.

– Конечно, нет.

«Господи, неужели папа действительно читает мои мысли, как уверял меня в детстве?»

Она промокнула ему лицо влажным полотенцем и вытерла.

– Дедушка, от тебя пахнет, как от Мурада после крикета, – сказал Джехангир, морща нос.

– Не груби, – одернула его мать.

Нариман улыбнулся:

– Я проиграл вчистую. А может, взял мяч на ногу.

Роксана извинилась – мало воды, чтобы полностью обтереть его губкой, но завтра она соберет ведро.

– Говорил я тебе утром, чтобы ты не заставляла меня мыться, – сказал Джехангир.

– О, значит, ты знал, что дедушка придет? Папа, этот мальчишка становится хитер не по годам. Как хорошо, что ты здесь, папа, хоть ты его усмиришь. Хватит смеяться, принеси тальк для дедушки.

Он примчался через минуту с жестянкой «Синтола». Мама осторожно сняла с дедушки грязную рубаху и судру. Кожа на его предплечьях и животе висела складками, а на груди образовала два мешочка, усохшие груди. Два маленьких надувных шарика, из которых вышел воздух. И волосы на них пучками белых ниток.

Роксана скомкала судру и отерла ею пот со спины и подмышек отца. Посыпала тальком из жестянки и быстренько растерла, сетуя на отсутствие воды. Потом выудила из чемодана свежую судру и рубашку, помогла Нариману надеть их.

– Спасибо. Теперь я свеж, как маргаритка-дейзи.

– Это ты еще не видел, как потеет наша маргаритка с первого этажа, когда на скрипке играет.

Роксана унесла пропотевшую одежду и бросила в завтрашнюю стирку.

– Пора обедать. Я приготовила легкий рисовый супчик для Джехангу, у него что-то с желудком, но вам вполне хватит на двоих.

Роксана наполнила тарелку для сына и позвала его к столу; отцу она налила суп в мисочку.

– Тебе, папа, удобней будет есть из такой. Я помогу тебе, если захочешь.

Он протянул руку за мисочкой и поставил ее себе на живот. Мисочка в васильках поднималась и опускалась в такт его дыханию.

– Колышется, как лодочка, – заметил Джехангир, – а твой живот делает волны для нее.

– Только бы ни у кого морская болезнь не началась, – сказал Нариман, едва не пролив суп с ложки, которую подносил ко рту.

– Что, Куми забыла дать тебе утром лекарство? – спросила Роксана.

– Я принял таблетку, – пробормотал Нариман. – Просто сильно устал сегодня. Завтра будет лучше.

Джехангир подошел к дивану. Постояв минутку, он заявил, что хочет кормить дедушку.

– Это не игра. Ешь свой суп, пока он не остыл.

Джехангир мгновенно выхлебал суп и вернулся к деду.

– Теперь можно?

Нариман кивнул Роксане.

– Но я тебя предупреждаю – поаккуратней, – сказала она, подавая сыну мисочку, – дедушка только что надел чистую рубашку.

– Да, мам.

– И не заставляй его рот набивать, как ты сам делаешь!

– Да я знаю, мама, – нетерпеливо ответил Джехангир, – я знаю, дедушка жует медленно, я видел его зубы.

На балконе лежало неразвешенное белье. Роксана принялась встряхивать и вешать мокрые вещи, хмурясь от того, что они уже успели подсохнуть, поглядывая в комнату, проверяя, как ведет себя Джехангу. Балконная дверь служила рамой для жанровой картинки: девятилетний мальчик с удовольствием кормит с ложечки семидесятидевятилетнего старца.

Вдруг ее охватило странное чувство – нечто, подобное озарению. Отделенная завесой мокрого белья, держа в руках рубашку Йезада, она чувствовала, что наблюдает священное таинство; она желала бы удержать бесценный миг, ибо инстинктивно знала, что миг станет дорогим воспоминанием, источником силы в тяжелые времена.

Джехангир зачерпнул очередную ложку супа и поднес к дедовым губам. Заметив прилипшую рисинку, Джехангир осторожно снял ее салфеткой, не дал упасть.

На мгновение Роксане открылся смысл всего, что есть в рождении, жизни и смерти. Мой сын, думала она, мой отец и пища, которую я сварила...

К горлу подступил горький ком. И – минуло, остались только слезы на глазах. Роксана вытерла глаза, улыбаясь и удивляясь, потому что не знала, когда явились слезы и отчего. Довольство на лице отца, понимание собственной значимости на лице Джехангу – и озорные искорки в глазах обоих.

– Осталось совсем немножко, дедушка. Давай самолетом.

– О'кей, но осторожно.

– Бигглз забирается в самолет, – начал Джехангир, поднимая ложку, – закрывает кабину.

Он изобразил включение двигателя, объявил, что колодки убраны и самолет готов к взлету. Ложка описала несколько кругов в миске, поднялась в воздух, качнулась и круто пошла на снижение.

– Готовимся к посадке, дедушка.

Нариман широко раскрыл рот.

Ложка прицельно села, он сомкнул губы – пища была благополучно сгружена.

– Теперь последняя, – объявил Джехангир, выскребая со дна остатки, – готов?

На сей раз воздушная акробатика была еще сложнее.

– Открыть бомбовый люк!

Рис просыпался мимо рта Наримана на шею и воротник.

Роксана влетела с балкона с Йезадовой рубашкой в руках.

– Я же говорила тебе! Пять минут не можешь обойтись без выдумок!

– Моя вина, – хихикнул Нариман. – Плохо рот открыл.

– Не защищай этого мальчишку, папа, а то с ним совсем никакого сладу не будет. Будь с ним поостроже.

Роксана спросила, подать ли ему тазик, чтобы он прополоскал рот: он всегда ополаскивал протезы после еды. По тому, как он покачал головой, она поняла, что отец не хочет утруждать ее без крайней надобности.

– Что у нас теперь на повестке дня? – спросил он Джехангира. – Ты меня кормил, а я могу помочь тебе сделать уроки.

– Уроки не на повестке дня, – ответил Джехангир, наслаждаясь новым словечком. – На повестке дня большая мамина кровать, буду лежать и читать.

– Можешь читать здесь, считаешь мне вслух, чтобы и я получил удовольствие.

Джехангир заколебался – вслух он читал дважды в год, на экзамене по чтению и декламации.

– Вообще-то я уже три главы прочитал. И тебе не понравится, это же детская книжка, Инид Блайтон.

– Ничего, можешь читать мне четвертую главу. Если покажется скучно, я скажу. Честное слово.

В четвертой главе Джехангир и Нариман узнали, что Джордж за плохое поведение, о котором говорилось в предыдущих главах, отправлена отцом в свою комнату, где теперь изнывает в одиночестве; хуже того, отец упрямо зовет ее Джорджиной («Она терпеть не может свое имя, потому что она сорванец», – на ходу пояснил деду Джехангир). Джулиан, Дик и Анна, которые приехали погостить на каникулы («Это кузены Джордж», – пояснил Джехангир), считают, что дядя Квентин слишком сурово обошелся с бедной Джордж. А ей-то, бедняжке, каково – не пустили с ними на прогулку по берегу, а погода просто замечательная, море этим утром такое потрясающе голубое («Лазурное, – сказал дедушка, – небесно-голубое». – «Лазурное», – повторил Джехангир), Тимми, безостановочно виляя пыльным хвостом, отлично проводит время, обследуя каждый камень и ракушку, в испуге облаивая каждого напуганного краба, чем очень смешит их всех, хотя не так уж и хочется смеяться без милой бедняжки Джордж, и...

Мама тихонько коснулась его плеча. Он поднял глаза от книги. Она приложила палец к губам и указала на диван: дедушка заснул.

Ее отец и ее сын еще спали, когда в половине четвертого она зажгла плиту, приготовила чай, засыпав заварку прямо в чайник с кипятком. Послеполуденный чай не устаивался заварочного чайника и стеганого чехла, которыми она пользовалась по утрам. Она подумала о распорядке своего дня, сложившемся за годы, и ей пришлось в голову, что это странно, ведь утро проходит в страшной спешке, неторопливый ритуал куда больше подошел бы для чая во второй половине дня.

Но ради Йезада она тщательно накрывала стол к завтраку – он любил утренние часы. Любил завтрак – играет радио, в квартире и во всем доме суета, внизу на улице разносчики нараспев выкликают товары, с лету бросаются к покупателям, которые подзывают их хлопком в ладоши или громким шипом. Под настроение Йезад подражал ритмичным выкрикам и распевам продавцов, потом в этом соревновались и сыновья.

Роксана тоже прислушивалась к крикам разносчиков, выжидая время, чтобы спуститься вниз с кошельком. Кое-кто из соседей держал наготове корзину с веревкой; в корзину клали деньги, опускали ее на веревке из окна, потом втягивали наверх со сдачей, с картошкой, луком, бараниной, хлебом – кому что нужно. Роксана корзиной не пользовалась – ей не нравилось демонстрировать свои закупки соседям. Йезад шутил, что, наблюдая за этой корзиной-веревочной коммерцией, можно в любой день определить, кто что ест.

Йезад всегда шутит и дурачится по утрам, болтает с сыновьями, рассказывает им истории. Только вчера он рассказывал про старого мистера Энджинира, который всю жизнь прожил в их доме и недавно умер.

– Ты помнишь его фокус с веревкой, Рокси?

Она улыбнулась, Джехангир с Мурадом клянчили, чтобы им тоже рассказали. Вода еще не нагрелась, и Йезад начал рассказ о том, что придумал старый Энджинир много лет назад, когда у него было туго с деньгами. Он каждое утро дожидался у своего окна на втором этаже появления торговца яйцами. Ему было известно, что с балкона третьего этажа спустят корзину, торговец уложит в нее свой хрупкий товар, и корзину медленно потянут наверх. Когда корзина проплывала мимо окна мистера Энджинира, проворная рука выхватывала яичко – к завтраку. Корзина добиралась до места назначения, и с верхнего балкона раздавался возмущенный крик:

«Эй, ты что же делаешь, дюжина – это двенадцать яиц, а не одиннадцать!»

Торговец упирался, клялся и божился, что отсчитал ровно двенадцать штук, но ему не верили, и бедняга отправлял наверх еще одно яйцо.

Но однажды утром злодейская рука была замечена. Энджинир был пойман с яичным, сослал Йезад.

Верхние жильцы, смущаясь, отправились выяснять отношения. Но мистер Энджинир и глазом не моргнув спросил: «Да кто я такой, чтобы отказываться от того, что Бог посылает прямо в мое окно?»

Тут Джехангир и Мурад уже просто покатались со смеху. Они смеялись с восторгом и пониманием, а их отец завершал рассказ словами:

– С тех пор все в доме знают о знаменитом «Энджинировом фокусе с веревкой».

Мурад сказал, что это напоминает ему другую отцовскую историю: про царя по имени Сизиф и про его наказание в Аиде...

– Вот я и думаю, что мистер Энджинир похож на Сизифа.

– Это почему еще? – возмутился брат. – Мистеру Энджиниру не приходилось раз за разом толкать огромный камень в гору.

– Все равно, – стоял на своем Мурад, подыскивая объяснение, – каждый день корзина то вниз, то вверх, а у бедного мистера Энджинира нет денег, он прячется за окном, чтобы украсть яйцо... Тоже ведь ежедневная кара. Печально это.

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, – сказал отец. – Если вдуматься, то каждый из нас по-своему Сизиф.

Наступила тишина. Все задумались. Потом Джехангир серьезно кивнул головой:

– Я понял. Это как домашнее задание. Каждый день делаешь домашнее задание, а на другой день задают новое, и так без конца.

Джехангир всех рассмешил.

– Но у истории про Энджинира есть хеппи-энд. Через несколько дней, после того как он попался, утром позвонили в дверь. Открывает – никого. Только бумажный пакет на полу, а внутри – яйцо. И это повторялось дважды в неделю до самой его кончины.

– Почему только два раза в неделю? – спросил Мурад. – Почему не каждый день по яйцу?

– Кто его знает, – пожал плечами Йезад.

Роксана, со значением взглянув на мужа, высказала предположение, что тайный благодетель не хотел, чтобы у старика повысился холестерин. Йезад сделал вид, что не слышит.

А мальчики начали составлять список вкусных вещей, которые им бы хотелось найти в корзине, проплывающей мимо окна: круглые, сдобные маффины с маслом, овсянка, копченая селедка, ячменные коржики, пироги с печенкой, мясо в горшочке, яблоки в тесте. Отец заметил, что если бы они разок попробовали безвкусную иностранную пищу, о которой знают из книг этой балды Блайтон, так поняли бы, какие потрясающие блюда готовит их мать: и кари с рисом, и кхичри-саас, и плов с тыквой, и дхансак. Эх, нашлась бы индийская Блайтон и увлекла бы детей индийской реальностью!

Тут по радио объявили: время золотых хитов минувших лет... Зазвучал голос Энгельберта Хампердинка; Йезад и мальчики подхватили припев: «Только три словечка – я тебя люблю!» Роксана, улыбаясь, позволила дослушать песню, после чего отправила сыновей собираться в школу.

...Но то было вчера. «Как все сразу изменилось», – думала она, наливая себе чай и ставя чайник обратно на плиту. Попозже, часам к шести, она вскипятит воду, чтобы Йезад мог выпить чаю сразу как вернется. Вечерняя чашка чая совсем не походила на утреннюю. По вечерам она видела на лице мужа следы, оставленные очередным трудовым днем. К Роксаниной любви примешивалась обида за мужа, когда он рассказывал о капризах клиентов, которые считают, что могут безнаказанно хамить ему, потому что в их руках большие деньги, и в то же время обязательно закидывают удочку насчет отката при закупках крупных партий спор-

тивного инвентаря для своих школ, или колледжей, или корпораций. А он вынужден, скрывая отвращение, тактично давать им понять, что владелец магазина, мистер Капур, против таких вещей...

Все еще раздраженный и расстроенный, сел он пить чай. Иногда пил прямо из чашки, чаще из блюдечка, всматриваясь в него как в непроницаемую глубину, скрывающую необходимые ему ответы. Она боялась обронить словечко – он мог вынести только тишину. И на свой лад понимала, каково быть на его месте, надрываться ради семьи, которую он так любит. Но оставалось ей только одно – ждать, когда наступит ночь и сон снова возродит его. Чтобы наутро он был опять полон оптимизма.

Она смотрела, как он возвращается к беличьему колесу, заранее зная, чем это кончится к вечеру, зная, что он тоже знает, но не сдается. И тогда муж виделся ей сильным и смелым, как Рустам или Сохраб, эпическим героем, чьи повседневные подвиги заслуживают быть воспетыми в его собственной «Шахнаме», в «Йезаднаме», и благодарила за него судьбу, Бога, фортуны – кто бы там ни заведовал делами мира...

Ее страшила мысль о том, как папино появление скажется на их утренних часах. Любой ценой должна она сохранить для Йезада их ритм. Она исполнилась решимости не допустить, чтобы хоть на волосок изменился утренний распорядок, который приносит ему столько радости.

Роксана допивала вторую чашку, когда Джехангир и Нариман проснулись, разбуженные звонком Мурада. Она открыла сыну дверь, потрепала по плечу, не рискуя задерживать его в объятиях. Он зашвырнул под стол школьную сумку, прошел в большую комнату.

– Привет, дедушка, – сказал Мурад, будто увидеть деда на диване – дело совершенно нормальное.

– Ты не хочешь узнать, почему дедушка у нас?

Мурад выслушал рассказ матери, подумал и принял решение:

– Раз дедушка гостит у нас, так я буду спать на балконе, а Джехангир пусть спит на топчане.

– На балконе спать буду я, – объявил брат.

– Что такое? – спросил Нариман. – Оба хотите удрать из комнаты? Неужели от меня так плохо пахнет?

Братья возмутились – ничего подобного! Просто спать на балконе гораздо интереснее, можно смотреть на звезды и на облака.

– Решим, когда папа придет, – подвела итог Роксана.

Распаковав судно и утку, она тщательно обследовала их и понесла мыть. «У людей разные представления о чистоте», – подумала она, снова закипая яростью против Джала и Куми.

– Что за штуки? – заинтересовался Джехангир, когда мать вернулась и задвинула их под диван.

– Они нужны дедушке.

– Зачем?

– Вон то – бутылка для пи-пи, – показал Мурад, – а это – для другого.

Джехангир недоверчиво взглянул на мать.

– Правда, мам, зачем они?

– Мурад же сказал. Дедушка не может сам ходить в туалет.

Джехангир скорчил рожу – фу! – скорее для проформы, чем от подлинного отвращения.

В шесть тридцать у двери послышались шаги Йезада, и мальчики наперегонки бросились открывать.

– Папа, можно я сделаю навес и буду спать на балконе? – завопил Джехангир, даже не дав Мураду толком открыть дверь.

– Нет, папа, это моя идея. Можешь у мамы спросить!

Йезаду понравился взволнованный прием.

– Дайте сначала в дом войти! Сначала скажите «привет» усталому отцу, а уж потом приставайте с требованиями!

– Привет, – сказали братья в унисон. – Можно я буду спать на балконе?

Йезад затворил дверь и задвинул засов.

– Рокси, что за безумный план пришел в головы твоих сынов?

Он шагнул в комнату:

– Хэлло? Это вы, чиф?

«Что такое, – думал он, – ясное дело, чиф в гости заглянул, но почему один? И почему он на диване лежит? Плохо себя почувствовал?»

Гипс на ноге, который мог бы объяснить причину, был скрыт простыней. Не желая выказывать растерянность, Йезад с улыбкой подошел пожать тестю руку.

Дети продолжали спорить.

Раз дедушка занял его постель, так он и должен на балконе спать, доказывал Джехангир. Ничего подобного, стоял на своем Мурад, он старше и с ним все будет в порядке, а Джехангир может спросонок встать с постели и свалиться с балкона...

– Тихо, а то сейчас оба получите! – прикрикнула мать. – Балкон, балкон, балкон! Это что, главное? Я даже не успела рассказать папе про дедушку!

Она подошла к дивану, вытирая мокрые руки о юбку.

– Ты просто не поверишь, Йезад, когда услышишь, как ужасно повели себя Джал и Куми.

– Хотели как лучше, – мягко сказал Нариман, – не надо злиться на брата и сестру.

– Брата и сестру только по матери, если уж быть точным, папа!

– В детстве ты никогда так не думала, – невесело заметил Нариман.

– А они никогда так не вели себя!

– Можно попросить, чтобы мне наконец рассказали, в чем дело?

Роксана изложила события сегодняшнего утра и минувшей недели. Когда она закончила повествование, Йезад только головой покачал.

– Должен признаться, чиф, мне тоже кажется, что поступили они плохо. Мягко говоря. Прокрались сюда как воры, вас бросили в «Скорой», стали шантажировать Роксану.

– Они не справлялись с ситуацией, – сказал Нариман. – А это был выход. Если желаешь свалить свои заботы на других, то предварительное оповещение нежелательно. Советую вам обоим помнить это, когда вы захотите вернуть меня в «Шато фелисити».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.